

Первый учредительный съезд писателей Российской Федерации закончил свою работу. Учрежден Союз писателей РСФСР. Корабль, которому уподобил в своем докладе Л. Соболев новую писательскую организацию, поднял якоря и двинулся в открытое море.

Съезд проходил в дни, когда по всей стране развернулось обсуждение тезисов доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС, когда советские люди, вдохновленные планом великой семилетки, устроили своим трудовым усердием на всех участках коммунистического строительства. Да и как не вдохновиться, как не утратить усилий, если перед нами такие захватывающие перспективы: выполнение в 1965 году плана семилетки, мы затем, через пять лет, к 1970 году — к столетию со дня рождения В. И. Ленина — будем впереди всех по уровню производства продукции на душу населения!

Писатели съехались в Москву со всех концов Советской России, и отовсюду они привезли яркие впечатления жизни, освещенной зарей коммунизма.

И в центре внимания съезда были именно вопросы связи литературы с жизнью, с современностью, задачи ее яркого художественного отображения.

Первое, что хочется отметить в его работе, — это монолитное идейно-политическое единство писателей.

На съезде были споры. Многие ораторы выражали различные мнения по поводу тех или иных конкретных явлений литературной жизни. Но все было единодушно в утверждении необходимости партийного руководства литературой, принципов партийности и народности, в признании плодотворности метода социалистического реализма.

Писатели Советской России показали всему миру, что они сегодня так же сплочены и едины, как ныне сплочены и едины вскорчившие и вспоившие их народы великой нашей земли.

В братскую семью объединились литераторы, пишущие на сорока восьми языках. Рядом с сынами русского народа — татарами и башкирами, якуты и буряты, алтайцы и коми, удмурты и чуваша...

На трибуну съезда поднялись представители народов, еще вчера не знавших письменности, а сегодня уже распластающих литературой, в которой есть по-настоящему — без скидок! — талантливые и яркие произведения. И они произносили интересные, содержательные речи, в которых ставили вопросы, имеющие серьезное значение для всей литературы Советской России. Эти речи, как речи равных, слушали с вниманием, с уважением. В них, может быть, наиболее сильно звучало чувство хозяина, сознание общей ответственности — то же чувство, то же сознание, что особенно полно завуловало сейчас в сердцах и умах миллионов тружеников, обозначенных тем, как бы успешно выполняли предначертания семилетки развернутого строительства коммунизма.

Оргкомитет Союза писателей РСФСР сыграл большую роль в активизации литературной жизни в национальных автономных республиках и областях. Ему принадлежит заслуга открытия для всеобщего читателя новых писательских имен. Правление нового союза, в состав которого вошли как представители Москвы, Ленинграда, так и литераторы отдаленных автономных республик и областей, как маститые многоопытные писатели, так и молодые, — правление должно не только закрепить, но и расширить успех Оргкомитета, ибо этого требуют время, жизнь, создающая в некогда глухих краях все новые экономические и культурные центры, которые, конечно, станут центрами и литературного движения.

Партия в лице Бюро ЦК КПСС по РСФСР обратилась к съезду с теплыми и вдохновляющими словами приветствия, где говорилось: «Создаются необходимые условия для все более полного удовлетворения растущих материальных и культурных запросов советских людей».

Писатели Российской Федерации призваны сыграть активную роль в этом великом социальном процессе. Ити в ногу с народом, полнее отображать его борьбу за торжество великих задач строительства коммунизма, активно участвовать в воспитании нового человека коммунистическим методом.

Писатели Российской Федерации призваны сыграть активную роль в этом великом социальном процессе. Ити в ногу с народом, полнее отображать его борьбу за торжество великих задач строительства коммунизма, активно участвовать в воспитании нового человека коммунистическим методом.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 150 (3961)

Четверг, 18 декабря 1958 г.

Цена 40 коп.

Флагман поднял якоря... В добрый час!

мунистического общества — почетный долг художников слова».

Доверие партии, ее возыскательность заставляли участников съезда быть самонадежными и требовательными к литературе наших дней.

С особой силой прозвучало на съезде требование к языку наших книг. Чувствуется, что это у всех наболело, что это назрелый вопрос литературного бытия. В самом деле, язык — это первооснова литературы, а между тем во многих книгах последнего времени заметно явное падение языковой культуры. На съезде справедливо упрекали критику за то, что она ослабила борьбу за выразительность и чистоту языка.

На съезде состоялся действительно широкий, обстоятельный, серьезный разговор и по другим важнейшим вопросам сегодняшней литературной жизни.

Конечно, многое из того, о чем говорилось на съезде, требует дальнейшего размышления и обсуждения, что и будет сделано в ходе подготовки к Третьему всесоюзному съезду писателей и на самом этом съезде. Но многое из того, что обсуждалось на Первом учредительном, требует практических конкретных дел.

Сколько угодно можно, например, говорить о важности укрепления связи литературы с жизнью, с современностью или о необходимости повышения мастерства, усиления требовательности к языку, но если за речами и дискуссиями не последуют конкретные действия, живые писательские дела, если не появятся высококачественные и высокохудожественные книги, написанные, как говорится, на съезде, «алмазным языком», то ясно, что самые правильные речи и самые глубокомысленные дискуссии не достигли своей цели.

Это понимают все. И поэтому делегаты съезда разбегаются сейчас по родным местам с горькой жаждой работы.

«Перед лицом еще более величественного будущего, впереди коммунизма, мы, участники Первого учредительного съезда писателей Российской Федерации, — сказано в принятом съездом обращении к ЦК КПСС, — торжественно обещаем родной Коммунистической партии еще выше держать знамя верности бессмертным ленинским принципам идейности, боевой партийности, действительной и целеструющей связи с жизнью, братской дружбы всех наших народов и всех наших социалистических культур... Дыша живительным воздухом нашей кипучей эпохи, мы вынашиваем новые творческие замыслы».

И пусть в этом вдохновении, но напряженном, радостном, но суровом труде для писателя надежной поддержкой и опорой послужат живые воспоминания о съезде, о декабрьских днях 1958 года в Москве.

И воспоминания о том, как делегаты съезда посетили Мавзолей на Красной площади. Стоя возле Мавзолея, писатели будто слышали обращенные к ним сквозь десятилетия ленинские слова: «Это будет свободная литература, потому что не корысть, и не карьера, а идея социализма и сочувствие тружущимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не преславленной героине, не скакунам и страданиям от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов тружущихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущее».

И воспоминания о замечательном приеме в Кремле, устроенном в честь уч-

реждения Союза писателей Российской Федерации. Искренние товарищеские беседы с руководителями партии и правительства, горячая, душевная речь Никиты Сергеевича Хрущева, пожелавшего писателям РСФСР больших успехов в их творчестве, создания новых книг, достойных нашего великого народа и его славных дел. — это новое свидетельство сердечного внимания партии к литературе, отеческой заботы о ней не может не вызвать огромного прилива творческих сил.

Постоянным вдохновителем наших писателей всегда будет жизнь. Стремительная, многогранная, содержательная жизнь советского народа, направляемого партией. Сейчас партия идет к своему XXI съезду и ведет за собой весь народ, и в его рядах — советские писатели.

...Союз писателей Российской Федерации — это не просто корабль, а флагманский корабль многонациональной советской литературы. Его экипаж — 2539 писателей России — полон сил, социального огня, жажды творчества. Его не страшат трудности и бури. Флагман поднял якоря. В добрый час!

ПРЕДСЕДОВАТЕЛЬ
ТРИБУНА

КАКИЕ компоненты литературного произведения подлежат рассмотрению в графе «художественное мастерство»? В ряде статей и выступлений — и у нас в Эстонии, и не только у нас — не раз проскальзывала мысль, что это лишь тропы, языковые средства, композиция, словом, известное количество приемов создания формы. Когда же речь заходит о понятиях, которые ближе касаются содержания, идеи (например, характер, изображение ситуаций, конфликты и их решение), тут речь ведется так: ухватить, да, ухватить все это с понятием художественного мастерства нужно, но разве анализ их есть анализ художественного мастерства?

В области анализа языкового стиля и других «сторон» формы эстонская критика унаследовала от прошлого сильные традиции, и было бы неправильно их отбрасывать. Просто хорошо, что время от времени эстонская критика занимается вопросами так называемой литературной техники.

Но художественное мастерство и литературная техника — понятия не идентичные. Первое значительно шире второго. Понимание художественного мастерства лишь как комплекса известных приемов формы всегда таит в себе опасность разделить содержание и форму, опасность разделить в искусстве «идею» и ее «осуществление». Статьи этой дурной мекки современной эстонской критики тоже унаследовала от прошлого...

Что греха таить — разработка теории социалистического реализма в Эстонии ограничивалась в основном реферированием положений, изложенных в курсах теории литературы, или в лучшем случае приложением этих положений к эстонской литературе. Правда, творческая практика советских эстонских писателей не позволяла даже самым большим скептикам выступить с рассуждениями, что социалистический реализм, дескать, — измышление времен культа личности и т. п. Но что скрывать, сомневающийся голоса раздавались в кулуарах именно по вопросам, касающимся худо-

ческие могут предпринять счетные машины смогут автоматически выбирать и вести технологический процесс на высочайшем уровне.

Будь то институты Сибирского отделения будут опираться в своей работе на Институт математики с мощным вычислительным центром. Директором этого института назначен академик С. Л. Соболев; в нем будут работать видные ученые страны — академик А. И. Мальцев, члены-корреспонденты Академии наук СССР А. В. Бицадзе и Л. В. Канторович.

Наш вычислительный центр будет снабжен несколькими такими новейшими машинами. Мы намерены организовать прежде всего широкое использование электронных машин для решения различных задач техники. Их эксплуатация будет вестись параллельно с усовершенствованием всех основных элементов. Мы намерены, в конечном счете, получить электронные счетные машины с еще большими возможностями как для решения математических задач, так и для управления производственными процессами.

Следующая группа институтов Сибирского отделения — механические институты: теоретической и прикладной механики (директор — академик С. А. Христианович), гидродинамики (директор — академик М. А. Лаврентьев), химической кинетики и горения (директор — член-корреспондент Академии наук СССР А. А. Ковальский). Все эти институты будут работать в тесном взаимодействии и между собой, и с институтами физики, и с местными предприятиями.

Объединенными усилиями этих институтов совместно с геологами мы постараемся проникнуть возможно глубже в недра земли. Дело в том, что до сих пор устройства нашей земли мы почти не знаем.

В работах Института гидродинамики видное место займут проблемы образования и развития волн. В частности, мы

(Окончание на 3-й стр.)

ПЕСНИ А К Ы Н А

НЕТ, ПОЖАЛУЙ, в Казахстане человека, который не знал бы песен акима Нурхана Ахметбекова, не читал его поэмы. Ахметбеков родился в туркестанских степях, с малых лет остался сиротой и батрачил у баб. Нурхан слыл песней о тяжелой доле, о горе и непосильном труде односельчан. И песни его передавались из уст в уста.

В советское время талант Нурхана Ахметбекова окреп и возмужал. Любвию и популяристостью пользуются его поэмы «Амангелды», «Семсер», «Нарга». Поэма «Гибель есаулов» — одно из лучших произведений казахской поэзии. За эту поэму Ахметбеков был присужден премия имени Абая. Когда в Казахстане началось освоение целины, Нурхан стал частым гостем новоселов. Многие строки его песен посвящены молодежи, приехавшей в казахстанские степи.

В дни смотра культуры Казахстана аким выступает перед москвичами.

В столице продолжались гастроли артистов казахских театров.

В Центральном Доме работников искусств состоялся вечер казахской культуры. Его открыл народный артист СССР Ю. Завасидный. С докладом выступил министр культуры республики А. Каналин. На вечере присутствовали секретарь ЦК Коммунистической партии Казахстана Н. Джандирдин, заместитель Председателя Совета Министров Казахской ССР А. Закирин, министр культуры СССР Н. Михайлов. Фото А. ГЛИЧЕВА

Путь к социалистическому реализму — путь к мастерству

Олег ИГНИ

нашу тему имеет второстепенное значение. В первую очередь нужно подчеркнуть, что идею росту писателя сопутствует рост художественного мастерства, что иной писатель, не придя к идеейности, никогда не достиг бы тегерешнего своего уровня.

ПИСАТЕЛЕМ социалистического реализма может стать лишь тот, кто глубоко понимает закономерности развития общества.

В ранней эстонской литературе мы имеем очень много хороших примеров резко критической трактовки социальных вопросов (в творчестве Э. Вильде, Э. Сяргава-Петерсон, А. Х. Таммсааре, М. Метсануура, И. Барбаруса, Я. Карнера и др.). Но очень редко этим писателям удавалось ухватить эти вопросы с исторической перспективой как единым целым, с перспективой в прошлое и будущее. Конечно, были и исключения, но все же в принципе именно это характерно для большей части литературы критического реализма. Но в новом обществе глаз писателя стал видеть дальше. Художественное творчество прониклось пониманием строгой закономерности исторического развития, пониманием того, что общество развивается на основе определенных социальных законов, что изображаемый разрез жизни — лишь частичка многих других отрезков жизни и что в конфликтах, изображаемых в произведении, отражается большое и постоянное развитие всей жизни. И если искусство изображает жизнь, меняющуюся не в силу случайности, а идущей к прогрессу в силу твердых законов развития, познанных художником, — это и есть социалистический реализм.

Особенно примечательным было творческое формирование двух наших писателей — Р. Сирге и Э. Крустен. Творческий почерк Р. Сирге в его романе «Земля и народ» обогатился именно этой новой чертой — познанием исторического развития как движения вперед, признанием неизбежного отрицания старого, неизбежной победы нового. В этом смысле Петер из романа Р. Сирге «Земля и народ» является одним из наиболее глубоких по своему социальному значению образов вообще в нашей литературе последнего времени. Как в капле воды, отражаются в этом образе прогрессивная роль ископаемого крестьянства в прошлом, его последующая дифференциация и неизбежный уход с исторической сцены его эксплуататорской части. И разве это «представительности» образа не есть проявление художественного мастерства, нового художественного мастерства писателя?

Создание Э. Крустенем романа «Сердце молодых» вызывает в нас прежде всего две мысли: во-первых, перед нами роман, в котором Крустен сделал очень большой шаг вперед, а во-вторых, в этом произведении Крустен прежде всего социально думающий художник, и гораздо глубже социально думающий, чем раньше. Такое изменение мыслимы как эволюция в мировоззрении. И именно в силу этого писатель смог создать очень яркую пару персонажей — Таубе и Бабина, из которых каждый воплощает социальные проблемы целой эпохи, причем Бабин и респенная через него проблема помещика-высочки вообще впервые встречается в эстонской литературе. Разумеется, в романе есть еще много хорошего, что говорит о плодотворном влиянии социалистического реализма, но я отмечаю в первую очередь этих двух персонажей, поскольку изображение их доказывает, как новая общественная точка зрения превратила писателя в первооткрывателя.

И Р. Сирге, и Э. Крустен, как и А. Якобсон и А. Хинт, и Семнер и М. Рауд, слили воедино свой глубокий интерес к социальным проблемам со своей сложившейся творческой манерой. При создании образа Петера Р. Сирге использовал немало приемов из области формы, которые были присущи прежней эстонской реалистической литературе. Но тол-

кование образа новое, точка зрения автора нова, и отношение автора к герою. Такое последовательное накопление нового вместе с использованием лучшего из старого, опора на старые традиции в создании нового — самый правильный путь, ведущий литературу вперед. Имя именно таким путем, эстонская советская литература и дала несколько ярких и во всеобщем масштабе довольно своеобразных произведений, на основании которых мы можем говорить об известных самостоятельных чертах в творчестве наших социалистических реалистов.

Социалистический реализм объединяет традиции и новаторство. В период между III и IV съездами эстонских писателей наша литература шла под знаком больших и разных творческих исканий. К сожалению, следует признать, что на этих поисках сказывалась хроническая беда нашей литературной жизни — брошки из одной крайности в другую, к тому же в некоторых произведениях поиски новых путей пошли в направлении обратном. Одна из черт, характеризующих такие произведения, — это уступка плохому вкусу и даже настроениям остальных людей.

Что характерно для подобной литературы? Она перестает быть боевой, по отношению к актуальным проблемам современности она в лучшем случае стремится сохранить нейтралитет. Копание в мелочных проблемах. Главный акцент переносится на психологическую сторону все социальных проблем. Расцветает узкоубогаившая лирика. Неодорогой подтекст в поэзии. И многое другое.

Во всем этом проявляется подчинение писателя вкусу общества, которого не интересует строительство социалистического общества, который аллоидно хихикает по поводу наших трудностей.

Несмотря на правильное общее идейное направление романа О. Тоонинга «Семья Кирретов», в нем можно найти чудные, на мой взгляд, современному советскому человеку вкусовые отклонения и ямбасы. Кстати, критика назвала это произведение «психологическим романом». Какой анахронизм! Думаю, что в литературе социалистического реализма нет такого вида романа, поскольку мы не представляем себе изображения психологии героев вне социального. В альманахе молодых авторов напечатан рассказ Р. Кавтара «Иностраница»; автор под покровом внешней занимательности и психологического уклона (хотя даже в этом произведении остается поверхностным!) констатирует с межубогаивающим объективизмом, который в первую очередь идет в литературе, нечто шепчущее нервы или пикантное. В поэзии у нас было за последнее время немало механического копирования досоветских образов. Местами встречалось просто дурное шпигонство.

Было бы большой глупостью априори отрицать самые различные общечеловеческие темы. Они волнуют также и советского человека; создавать вокруг них атмосферу недоверия — значит свести возможности литературы. Напротив, следует приветствовать поэзию, посвященную любви, природе, дому, но такие темы не должны уводить поэта на проторенные пути или толкать на энигматство. Общечеловеческое должно быть воплощено в конкретном по времени образе. Глубоко общаются те, кто полагает, что в наше время можно обойтись теми же мотивами и теми же средствами, какие были в ходу во времена Лилии Койтула. Величие писателя всегда заключалось в ярком чувствовании нового, а не в подражании тем, кто в лучшем случае равнодушен к новому. Если мы признаем, что в социалистическом реализме самое главное — идейный момент, который есть, и делает этот метод социалистическим, то мы должны вполне отчетливо сказать: у нас есть и такие произведения, которые находятся в противоречии с методом социалистического реализма.

Это шепки, которые неизбежно летят сейчас в большую литературную разведку леса. Они отпадают в сторону от главного пути развития советской литературы, и история вынесет из свой приговор — предостережение. Но вернется, что ни один писатель не ищет для того, чтобы его произведение постигла судьба бабочки-однодневки.

Таллин

МОЛОДАЯ НАУКА СИБИРИ

В последние десятилетия и годы во взаимоотношениях между наукой и жизнью, в организационном строении науки, в методах работы ученых произошли существенные изменения.

Резко сократилась дистанция между научным открытием и претворением этого открытия в жизнь. Если техника первой четверти двадцатого столетия питалась научными открытиями XIX и даже XVIII веков, то сейчас расстояние между исследованием и его реализацией необычайно сдвинулось.

Оближение науки с жизнью вызвало необходимость очень сильно пересмотреть многие позиции в развитии науки, в планировании ее развития, в связи науки с промышленностью, в подготовке кадров.

В последнее время все чаще и чаще начинают применяться новый комплексный метод, когда в исследовании, помимо ведущего, основного института, участвует большое число других крупнейших институтов страны, каждый из которых решает часть проблемы, соответствующую его профилю.

Именно такой способ позволил советским ученым добиться огромных успехов в ядерной физике и в освоении космического пространства.

Однако и этот комплексный метод нуждается в дальнейшем развитии и улучшении. Окаменевшая в течение десятилетий структура научно-исследовательских учреждений с прочно прикрепленными к ним специалистами, размещавшая на обособленных участках отдельные отрасли науки, часто создает значительные трудности взаимодействием различных научных коллективов.

Тяготение науки к жизни и все усиливающаяся взаимосвязь науки и техники вызвала необходимость и в чисто геометрическом, если можно так выразиться, приближении науки к производству. Наука, сконцентрировавшаяся главным образом в Москве, уже плохо

способствовала развитию производительных сил отдаленных от центра районов. В ТЕЗИСАХ доклада тов. Н. С. Хрущева на XXI съезде партии намечена величественная программа коммунистического строительства на востоке страны. Здесь вырастает крупнейшие предприятия металлургической, химической, угледобывающей, машиностроительной и многих других отраслей промышленности. В Сибири будут созданы третья металлургическая база страны и крупнейшие центры по добыче угля и производству электроэнергии.

Природные богатства востока с избытком обеспечат выполнение этого плана. В Сибири есть железо и уголь, нефть и алюминий, золото и алмазы, соли и олово. Огромные запасы леса на востоке — это две трети всех лесов страны. Что касается гидроэнергетических ресурсов, то одна лишь Ангара может дать энергии больше, чем Волга, Кама и Днепр, вместе взятые.

Но развитие науки в Сибири, к сожалению, сильно отстало от современных требований. Поэтому партия и правительство выдвинули задачу: единовременной концентрацией крупнейших сил и средств создать в Сибири мощный научный центр, который будет представлять комплекс институтов основных физико-математических и технических специальностей.

Этот новый научный центр мыслится организовывать в соответствии с тем новым, что сейчас накоплено в области науки. Известно, что автоматизация производственных процессов в будущей семилетке придала огромное значение, а достижения вычислительной техники открывают широкие перспективы именно в этой области: установлен-

ные на предприятиях счетные машины смогут автоматически выбирать и вести технологический процесс на высочайшем уровне.

Будь то институты Сибирского отделения будут опираться в своей работе на Институт математики с мощным вычислительным центром. Директором этого института назначен академик С. Л. Соболев; в нем будут работать видные ученые страны — академик А. И. Мальцев, члены-корреспонденты Академии наук СССР А. В. Бицадзе и Л. В. Канторович.

Наш вычислительный центр будет снабжен несколькими такими новейшими машинами. Мы намерены организовать прежде всего широкое использование электронных машин для решения различных задач техники. Их эксплуатация будет вестись параллельно с усовершенствованием всех основных элементов. Мы намерены, в конечном счете, получить электронные счетные машины с еще большими возможностями как для решения математических задач, так и для управления производственными процессами.

Следующая группа институтов Сибирского отделения — механические институты: теоретической и прикладной механики (директор — академик С. А. Христианович), гидродинамики (директор — академик М. А. Лаврентьев), химической кинетики и горения (директор — член-корреспондент Академии наук СССР А. А. Ковальский). Все эти институты будут работать в тесном взаимодействии и между собой, и с институтами физики, и с местными предприятиями.

Объединенными усилиями этих институтов совместно с геологами мы постараемся проникнуть возможно глубже в недра земли. Дело в том, что до сих пор устройства нашей земли мы почти не знаем.

В работах Института гидродинамики видное место займут проблемы образования и развития волн. В частности, мы

Что скажут об этом академики?

СЕЙЧАС, когда решается вопрос, каковы будут профиль средней школы и содержание ее работы, необходи...

мало проводится бесед образовательного характера по вопросам искусства, сельские ребята чаще всего остаются в смысле эстетического развития «неприступными».

«В результате перестройки школы отнюдь не должно быть сокращено или ослаблено гуманитарное образование, имеющее весьма важное значение для формирования коммунистического мировоззрения учащихся».

В цехах московского завода «Газоаппарат» овладевают производственными специальностями ученики подшефной школы № 547 Московского района.

МОЛОДАЯ НАУКА СИБИРИ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

будем изучать особое явление — цунами. Это — подводное землетрясение, в результате которого образуется волна до 20 метров высотой.

Самым крупным институтом в комплексе строящихся будет Институт геологии и геофизики (директор — академик А. А. Троимчук).

Перед учеными Сибирского отделения возникает необходимость разработки новых методов поисков ископаемых, основанных на применении последних достижений ядерной физики.

Исключительно важные проблемы возникают перед учеными в связи с развитием электрометаллургии, химической промышленности, энергетике и транспортном строительстве.

Создание предприятий с завершаемым электрометаллургическим циклом, приближение их к источникам сырья, подготовка баз конъюнктуры угля, развитие металлургии титана — все это требует вмешательства ученых.

Для переработки нефти Башкирии и Татарии под Иркутском в Красноярском крае построены два мощных завода.

Одна из центральных проблем, над которой будут работать химики совместно с физиками, биологами, математиками, — проблема комплексной переработки лесных богатств Сибири.

Институт цитологии и генетики наряду с общими проблемами (происхождение жизни, наследственность) будет заниматься конкретными проблемами, важными для сельского хозяйства Сибири.

Таким образом, все проблемы, которые я назвал, и многие другие требуют дружной коллективной работы ученых самых различных специальностей.

О ГРОМНОЕ внимание мы намерены уделять подготовке научных кадров. Тут также уже непригодны те методы, которые были широко распространены десятками лет назад.

учебных заведениях студентов знакомили с научными достижениями тридцати — сорокалетней давности. Разумеется, сейчас такое преподавание абсолютно не устраивает. Мы нашли, на мой взгляд, правильный путь, позволяющий преодолеть эти затруднения.

По такому принципу будет организованно и обучение студентов в университете, который будет создан в научном центре.

При перестройке системы народного образования нужно будет серьезно подумать об организации обучения и воспитания молодых людей, решивших посвятить себя науке.

Я уже имел возможность высказаться по этому поводу и хочу повторить еще раз, что, на мой взгляд, неверно создавать специальные школы «для особо одаренных детей».

Важно помнить, что в настоящее время в стране происходит процесс формирования кадров, способных к творческой деятельности. Мы должны обеспечить для всех школьников, имеющих способности, возможность реализовать их в полной мере.

Н ирское отделение Академии наук СССР — еще очень молодая. Она молода не только по времени своего существования, но и по возрасту сотрудни-

Тезисы доклада тов. Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС намечают перед нами, учеными Сибири, величественную программу большой, вдохновенной работы.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» Разрешите через Вашу газету выразить сердечную благодарность тем организациям, друзьям и читателям, которые в день моего шестидесятилетия прислали мне свои поздравления.

ТАК ЛИ ЭТО? Кто сам не горит, не может зажечь других. Учитель, режущий художественное производство холодным вождем инструкции, не воспитывает в детях страсти к чтению, любви к книге.

Общезвестно, что урок — основная форма учебно-воспитательного процесса. Но учитель обязан строго соблюдать его схему: проверка домашнего задания, новый материал, задание на дом.

Вопросы воспитания у нас в стране — это вопросы жизни, развития государства. Если в годы Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Толстого, Пирогова, Ушинского проблемами воспитания занимались лишь лучшие представители интеллигенции, защищаясь народные интересы, то в наше время воспитанием занимается весь народ, партия, государство.

В средней школе у нас утвердился высокий общеобразовательный уровень. Это признают даже наши враги за рубежом. Школа стала народной! И тем более ответственна задача, которую она призвана решать как народная школа.

К АКИЕ ЖЕ вопросы воспитания нуждаются сейчас в обсуждении, в публицистическом освещении? Сведения, получаемые учащимися в школе в области искусства, очень скудны. Уроки пения и рисования в подавляющем большинстве школ ведутся некачественно и почему-то только в младших классах.

Если городские ребята могут еще почитать где-то свои эстетические понятия, то в сельской местности нет картинных галерей, сюда почти не приезжают хорошие артисты, художники, недостаточно учителей музыки, пения, рисования.

Н АДО, ЧТОБЫ о значительных явлениях жизни, отраженных в литературе, своевременно знала школа: внедрение в газете опубликованная глава «Поднятая целина» или строфы «За далью — даль», — сегодня ребятам это известно. Что школьники приучаются следить за всем лучшим, что появляется в литературных журналах.

П РИ ПЕРЕСТРОЙКЕ системы народного образования неизменно возрастает роль школ рабочей и сельской молодежи, в которых органы народного образования относились до сих пор как к учебным заведениям «второго сорта».

Почему учителя школ рабочей молодежи получают зарплату на 15 процентов ниже, чем учителя массовых школ? Стереотипное объяснение, что мол, учителя вечерних школ работают только четыре раза в неделю, не выдерживает никакой критики.

Почему учителя школ рабочей молодежи получают зарплату на 15 процентов ниже, чем учителя массовых школ? Стереотипное объяснение, что мол, учителя вечерних школ работают только четыре раза в неделю, не выдерживает никакой критики.

Н УЖНО ПРОДУМАТЬ вопрос о подготовке научно-педагогических кадров. Сейчас в педагогической науке поднимается немало людей, неспособных подкачать учителям ни одной свежей мысли.

Я считаю, что к научной деятельности могут быть допущены только лица, которые в школе показали себя передовыми творческими учителями. Нужно изменить условия приема в аспирантуру педагогических институтов и научно-исследовательских педагогических учреждений.

Н. СУВОРОВ, доцент, кандидат физико-математических наук

С ИСТЕМА эстетического воспитания в нашей педагогике недостаточно разработана. Как организовать эстетическое воспитание в школе? С чего начинать, в какой форме? Взять, к примеру, как изложены эти вопросы в книге Н. Константинова, А. Савича, М. Смирнова «Основные вопросы педагогики».

Уроки литературы, мне думается, — точная опора в эстетическом воспитании. Книга всю жизнь сопутствует человеку, и от того, насколько он к ней приучен и насколько умеет брать от нее мудрость общечеловеческого опыта, будет во многом определяться его нравственный облик.

Программу по литературе и методы ее изучения в новой школе надо прочно связать с окружающей жизнью. Не анатомическое вскрытие художественного произведения, учиняемое порой в классе, должно быть содержанием урока; пусть исчезнет из лексикона школьника пренебрежительное словечко «проходили» при упоминании имени великого писателя.

Разве можно в школах Урала не говорить о романах Мамина-Сибиряка и сказах Бажова? Или пропускать без внимания хорошие очерки в журналах и газетах, рассказывающие о событиях и местах, знакомых ребятам?

Союз писателей и его отделения, редакции местных газет и журналов заинтересованы в воспитании, всестороннем развитии учащихся. Почему же так редко писатели и критики бывают в школе? Почему учителя не приглашают на обсуждения новых произведений? Ведь их мнение большей частью определяет вкусы учеников, и не следует ли хотя бы поощрять учителя в разговоре о новых книгах?

Н АДО, ЧТОБЫ о значительных явлениях жизни, отраженных в литературе, своевременно знала школа: внедрение в газете опубликованная глава «Поднятая целина» или строфы «За далью — даль», — сегодня ребятам это известно. Что школьники приучаются следить за всем лучшим, что появляется в литературных журналах.

П РИ ПЕРЕСТРОЙКЕ системы народного образования неизменно возрастает роль школ рабочей и сельской молодежи, в которых органы народного образования относились до сих пор как к учебным заведениям «второго сорта».

Почему учителя школ рабочей молодежи получают зарплату на 15 процентов ниже, чем учителя массовых школ? Стереотипное объяснение, что мол, учителя вечерних школ работают только четыре раза в неделю, не выдерживает никакой критики.

Почему учителя школ рабочей молодежи получают зарплату на 15 процентов ниже, чем учителя массовых школ? Стереотипное объяснение, что мол, учителя вечерних школ работают только четыре раза в неделю, не выдерживает никакой критики.

Н УЖНО ПРОДУМАТЬ вопрос о подготовке научно-педагогических кадров. Сейчас в педагогической науке поднимается немало людей, неспособных подкачать учителям ни одной свежей мысли.

Я считаю, что к научной деятельности могут быть допущены только лица, которые в школе показали себя передовыми творческими учителями. Нужно изменить условия приема в аспирантуру педагогических институтов и научно-исследовательских педагогических учреждений.

Н. СУВОРОВ, доцент, кандидат физико-математических наук

Здесь говорится об эстетическом восприятии природы, о воспитании юношества на произведениях искусства, но не дается системы, связи эстетического воспитания с преподаванием литературы, пения, рисования, что так важно для учителя.

Нам нужна продуманная программа нравственного и эстетического воспитания детей в школе. И составляет ее следуют не в тиши академических кабинетов, — она должна быть широко обсуждена учительством, в ней трезво и деловито нужно учесть реальные возможности периферийных, а не только столичных школ.

Нам, рядовым учителям, хотелось бы услышать, что думают об этом важном разделе работы школы наши ученые — педагоги и академики? Нередко случается читать статьи на эту тему, написанные учителями, — в них неизменно ставится вопрос о необходимости разработать этот важный раздел педагогической науки.

П. ОКСАМЫТНЫЙ, директор школы

Село Парканы, Тираспольского р-на, Молдавской ССР

ЧИТАТЕЛИ ПРЕДЛАГАЮТ

П РИ ПЕРЕСТРОЙКЕ системы народного образования неизменно возрастает роль школ рабочей и сельской молодежи, в которых органы народного образования относились до сих пор как к учебным заведениям «второго сорта».

Почему учителя школ рабочей молодежи получают зарплату на 15 процентов ниже, чем учителя массовых школ? Стереотипное объяснение, что мол, учителя вечерних школ работают только четыре раза в неделю, не выдерживает никакой критики.

Почему учителя школ рабочей молодежи получают зарплату на 15 процентов ниже, чем учителя массовых школ? Стереотипное объяснение, что мол, учителя вечерних школ работают только четыре раза в неделю, не выдерживает никакой критики.

Н УЖНО ПРОДУМАТЬ вопрос о подготовке научно-педагогических кадров. Сейчас в педагогической науке поднимается немало людей, неспособных подкачать учителям ни одной свежей мысли.

Я считаю, что к научной деятельности могут быть допущены только лица, которые в школе показали себя передовыми творческими учителями. Нужно изменить условия приема в аспирантуру педагогических институтов и научно-исследовательских педагогических учреждений.

Н. СУВОРОВ, доцент, кандидат физико-математических наук

ДОБРЫЕ СПУТНИКИ ЧЕЛОВЕКА

СТРОИТЕЛЬ коммунизма.. Человек большой души и возвышенных идеалов. Когда я думаю о том, что моя повседневная работа — это и есть воспитание такого человека, невольно забываю трудности, огорчения и неудачи. Хочется сделать больше!

Говорят, искусство безгранично расширяет горизонт мысли и чувств человека, обогащает его, знакомит с тем, чего он никогда не видел, быть может, не увидит. Это очень верно, конечно, но, если продолжить эту мысль дальше, искусство, кроме того, и воспитывает чувства. Воспитывает! И вот я хочу, чтобы добрыми спутниками моих ребят были хорошая книга, хорошая музыка, настоящая поэзия, постоянное стремление к знаниям. Я хочу, чтобы они поняли, почувствовали, в чем красота отношений между людьми. Я, знаете, очень многого хочу...

Так говорила мне молодая учительница литературы Эльвира Николаевна Горюхиная, уехавшая после окончания Новосибирского пединститута работать в далекое сибирское село Заковражино, куда в бумажки не ходит даже почтовая лошадей.

ЭТО БЫЛО три года назад. И вот передо мной лежит ее книжка «Эстетическое воспитание школьников» — первый печатный труд молодой учительницы, книжка, рожденная при первом серьезном сопереживании с жизнью.

В предисловии заведующий кафедрой педагогики и психологии Новосибирского пединститута Ю. Шаров говорит, что «книга представляет значительный интерес для учителя-практика». Это, безусловно, верно, но, думается, «радужно е действитель» куда шире, потому что автор ставшая в ней такие проблемы, которые глубоко волнуют всю нашу общественность.

что уже достигнуто передовыми учителями в решении этой повстие гражданской задачи. И это закономерно, что в размышлениях о том, какая нам нужна школа, как максимально приблизить ее к жизни, чтобы выпускники ее были готовы к активному труду на производстве, всегда видится воспитание Человека, его чувств и помыслов. Человека с большой буквы, строителя коммунизма, создателя и борца.

Вот о таком воспитании и рассказывает небольшая книжка Э. Горюхиной. Читатель, искренний в чтении так называемой методической литературы, в своем удивлении не найдет в книжке «Эстетическое воспитание школьников» (поурочных планов, переходящих нередко (с некоторыми изменениями) из одной методики в другую. Книжка эта — взволнованный рассказ молодой учительницы о своих поисках.

«С большими трудностями пришлось столкнуться мне», — пишет автор, — когда я, по окончании Новосибирского педагогического института, приехала в село Заковражино, отдаленное от железной дороги на 100 километров и сотни километров от города. С какими ребятами я встретила! Многие из них еще не видели паровоза, ни разу не бывали в театре, не понимали серьезной музыки, живописи... Каков их вкус? Что они знают и не знают? Что их больше интересует и что они любят? Вот вопросы, которые волновали и на которые нужно было получить ответы».

Л ЕККО СКАЗАТЬ — получить ответы! Первая глава, рассказывающая о завоевании доверия учеников и о «вхождении» самой учительницы в круг мыслей и интересов ребят, — это дни, до края заполненные радужными педагога, беседами, разговорами «по душам» с учащимися, увлекательными уроками (на нескольких из них мне довелось побывать), совместной работой в колхозе...

Именно коллективный труд, совместная работа в поле раскрыла перед учительницей внутренний мир ребят, «их души». «Им было доступно то великое удовольствие», — говорит Э. Горюхиная, — которое знают взрослые люди,

видящие результаты своих трудов, сознающие нужность своей работы». И вот медленно, шаг за шагом, для от знакомого, родного, нередко отступая (об этом так честно и прямо повествует в книжке), ведет учительница своих школьников, говоря словами М. Горького, «вперед и выше». И она берет в свои верные спутники искусство, чтобы оно расширяло кругозор школьников, их видение мира, чтобы оно подняло общую культуру ребят, сделало их смелее, дерзновеннее, чтобы полет мысли и чувств захватывал их, будил воображение, чтобы жизнь этих ребят наполнилась красивой музыкой, расцвела бы большими чувствами».

С захватывающим интересом читаешь странички, рассказывающие о том, как это происходило. О том, как при изучении «Слова о полку Игореве» учительница сумела ввести ребят в многогранный и живой мир оперы Бородина и как много сказала заковражинским школьникам васьковская картина «После боя Игрия Святославича с половцами»; о тех чувствах и переживаниях, которые родились у ребят при чтении (даже по плохим репродукциям) картин передвижников. И как, обогатив друг друга, могучее художественное слово М. Шолохова и удивительные пейзажи Н. Дубовского раскрыли перед ребятами такой объемный и многоцветный мир «Тихого Дона» и «Поднятая целина»; и как вдруг стало отчетливо ясным положение эстетики Н. Чернышевского о том, что искусство воспроизводит, объясняет жизнь и выносит приговор над действительностью, когда шел разбор картины Ф. Журавлева «Купеческие поминки».

ДА ОБО ВСЕМ и не рассказав! Главное то, что мы видим, как бесконечно обогатился внутренний мир заковражинских школьников. Мы с волнением следим за ними, когда прехват в Москву на экскурсию, они наслаждаются Третьяковской галереей, оперой и балетом, театрами, улицами, площадями, памятниками столицы; мы восторгаемся в их разговорах, так живо переданные автором книжки, читаем дневниковые записи — и нам твердо ве-

рится: то прекрасное, которое они научились понимать и любить, прочно вошло в их жизнь...

Ученики Э. Горюхиной уже перешли порог школы. Они стали комбайнерами и трактористами. Другие уехали в город и работают на заводах. Третий продолжает учиться в вузах и училищах. И, вероятно, не все из них нашли то единственное дело на всю жизнь, которому должны отдать всего себя целиком. Будут, может быть, впереди еще и поиски, и сомнения, и раздумья...

Но независимо от того, какую профессию выберет эти ребята, они будут сознательными гражданами, с широким и разнообразным кругом интересов.

Мы не беремся судить о конкретных формах и приемах работы, найденных молодой педагогом. Пусть это сделают ее старшие товарищи по профессии. Но то, что сумела совершить молодая учительница в далеком сибирском селе, распахнув перед своими ребятами широкий мир большого искусства, больших мыслей и переживаний, безусловно, значительно. Потому что эстетическое воспитание есть в те же времена и воспитание гражданского, воспитание большого и красивого человека коммунизма, — об этом и говорит Э. Горюхиная в заключительных словах своей книжки: «Когда токари завода имени Еремеева и «Сибсельмаша» Фроленкова и Гусева, Дубовицкая и Козлова, студент мелицанского училища Романенко, ученица школы кулиария Кузнецова и многие другие пишут о том высоком наслаждении, которое они испытывают, слушая оперу, о том неподдельном восторге, который охватывает их на балетном спектакле, невольно думаешь: учитель не имеет права не заниматься воспитанием художественных вкусов школьников, ибо речь идет о духовных запросах будущих токарей и врачей, комбайнеров и докторов, речь идет о культуре советского человека, который должен быть гармоничной личностью».

КОГДА ЗАКРЫВАЕШЬ последнюю страницу книжки Э. Горюхиной, невольно возникает вопрос: почему то, о чем рассказана учительница, не происходит во многих других школах? Не потому ли, что неудовлетворительна сама система эстетического воспитания в школе?

Замечательный опыт заковражинской учительницы, как это ни кажется парадоксальным на первый взгляд, только подтверждает эту мысль. Ведь все, что сумела сделать Э. Горюхиная, не определено ни в каких программах. Более того, учительнице, если можно так сказать, то и дело приходилось вступать в своеобразное единоборство с программой!

«Уже после первого урока», — пишет Э. Горюхиная, — передо мной встали вопросы, требовавшие немедленного разрешения: как в один час рассказать о В. Г. Вельяминове и его эстетических взглядах, если ребята еще не знают, что такое эстетика? Как донести до учащихся очень важную мысль В. Г. Вельяминова о том, что искусство несет болевой характер и имеет цель вне себя, когда ребята не знают, что такое искусство?»

Таких высказываний в книжке немало. К чести Э. Горюхиной следует сказать, что она сумела преодолеть слабые стороны программы по литературе, сумела в значительной мере восполнить проблемы в системе эстетического воспитания в школе. И если это оказалось под силу молодой учительнице в далеком сибирском селе, где нет ни театров, ни музеев, ни картинных галерей, то, значит, такую работу вести можно и должно!

Трудно согласиться с мнением некоторых учителей, когда они говорят: нам нужна особая подготовка, нас этому не учили. Но ведь речь идет не о специальных курсах по истории искусства. А общей культуре не учат — она складывается из разнообразного чтения, упорной работы и явления искусства, широты духовных запросов...

По все это, разумеется, не снимает с повестки дня главного: необходимость улучшения самой постановки эстетического воспитания в школе. О важности его во всей системе образования говорит в своей записке Н. С. Хрущев.

С. СМОЛЯНИЦКИЙ

В ПОИСКАХ ВЕРНОГО ПУТИ

Поэма всегда занимала почетное место в семье поэтических жанров многонациональной советской литературы. Этот жанр расцветает, питается соками зрелой культуры народа, будучи всегда связан с серьезными общественными интересами, с вниманием к современности и современнику.

ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННЫХ КАЗАХСКИХ ПОЭМАХ

красна жизнь Советского Казахстана сегодня; она, как молодой и сильный сад, приносит новые плоды.

Среди бесплодных некогда полей Шеренгами березы поднялись, Вершины токовостовых топей Устремлены в безоблачную высь...

Звено подруг, набрав воды во рву, Поит березку влагой ключевой И опрыскивает нежную листву. Как платые на подружке молодой. (Перевод П. Шубина и Я. Смелякова)

Так вступает в силу искусство поэзии с его «вторым» планом, когда чувствуешь, что в стихах сказано гораздо больше, чем сказано...

Повествуя о своих героях — старике Сармане и его дочери Майре, поэт нежно-любовно. Но как много тайны в их речах, как близко мы узнаем героев!

...Сарман и Майра не только мечтали о том, чтобы превратить степь в прекрасный сад, но только своими собственными руками любовно и терпеливо выхаживали его. Лес, природа — это зеркало их души. До чего же был прав М. Пришвин, когда говорил об искусстве «видения души человека в образах природы»!

Несомненное достоинство жанра поэмы, как и всякого поэтического жанра, — выразительность, лаконичность, внутренняя экспрессия и энергия. Почему же так легко и охотно отказываются поэты от своего «хлеба»? Почему они отталкиваются от своего героя? Если, скажем, это любовная история, то мы непременно узнаем, когда, где и как встретились герои впервые, какие противоречивые чувства обнаруживали их перед объяснением и т. д.

В эпиглоэ поэмы «Твоя река» у Хамиды Эрталиева есть такие строки:

Я позабыл в седьмой главе Воспеть (и это жалко), Как потерял чабан в траве Свою реку ланку. (Перевод Л. Кривошеиной)

Право же, эти слова очень остро характеризуют некоторые недостатки казахских поэм.

Отбор фактов, безжалостное отсеивание того, что является строго необходимым, важны и с точки зрения замысла поэмы, и с точки зрения возможностей художественного воплощения судьбы героя.

У читателя может возникнуть сомнение: а что, если длинноты, затянута повествования — это не столько недостаток, сколько особенность казахской поэмы, прочно связанная с традициями подробной описательности в устной поэзии?

Нам кажется, что именно искусство в казахской поэме прочно связано с национальной традицией, а отступление от законов искусства неорганичны. Раздумья, песни, слова Курмангазы выражают его натуру, мир его матежных чувств. Но если герои поэм остались для нас незнакомцами, как можем мы поверить в их слова, почувствовать их национальную самобытность?

Могут сказать и другие: ведь и в хороших поэмах — «Курмангазы», «Лес в пустыне шумел», «Степной колокол» — встречаются отдельные длинноты, срывы в неоправданную декламационность и т. д. Это верно. Верно и то, что в поэмах, но удавшихся в целом, иногда блещит острота искусства.

По мы, быть может, несколько заострили удачи и неудачи поэтот, чтобы прояснить главное, плодотворное начало в казахской поэме и показать, что, по нашему мнению, мешает развитию этого поэтического жанра.

Надежный залог утверждения плодотворных начал казахской поэмы — талант поэтот, их жадный и любовный интерес к жизни Советского Казахстана... Е. ЛЮБАРЕВА

Знакомить нас со своим главным героем, хотя тот и присутствует все время на страницах поэмы. Не узнаем мы и характера Салима («Борьба в степи» К. Джумалиева).

Чрезмерно насыщенные событиями и поэмы «Сталь, рожденная в степи» Т. Жарокова, «Невеста героя» Ж. Омиевбекова, «Стойкая судьба» Х. Бекхожина: поэты проводят своих героев через три исторических периода — довоенный, эпоху Великой Отечественной войны и годы послевоенной стройки.

Иногда события в названных поэмах и не столь значительны: мы часто являемся свидетелями сцен производственных совещаний, приезда комиссии, утверждения планов, а иногда заседания дирекции, где решается вопрос о первой плавке стали, и т. д. Разве каждая из таких сцен хоть как-то движет действие или раскрывает характер героя? Или, быть может, она нужна для создания определенной атмосферы? Нет. Видимо, эти сцены — дань неверному представлению о правде в искусстве, якобы совпадающей с правдой факта. Только такие частные, не выходящие на простор серьезных обобщений факты содержатся в поэме А. Токмагаббетова «Весна агронома».

Неоспоримое достоинство жанра поэмы, как и всякого поэтического жанра, — выразительность, лаконичность, внутренняя экспрессия и энергия. Почему же так легко и охотно отказываются поэты от своего «хлеба»? Почему они отталкиваются от своего героя? Если, скажем, это любовная история, то мы непременно узнаем, когда, где и как встретились герои впервые, какие противоречивые чувства обнаруживали их перед объяснением и т. д.

В эпиглоэ поэмы «Твоя река» у Хамиды Эрталиева есть такие строки:

Я позабыл в седьмой главе Воспеть (и это жалко), Как потерял чабан в траве Свою реку ланку. (Перевод Л. Кривошеиной)

Право же, эти слова очень остро характеризуют некоторые недостатки казахских поэм.

Отбор фактов, безжалостное отсеивание того, что является строго необходимым, важны и с точки зрения замысла поэмы, и с точки зрения возможностей художественного воплощения судьбы героя.

У читателя может возникнуть сомнение: а что, если длинноты, затянута повествования — это не столько недостаток, сколько особенность казахской поэмы, прочно связанная с традициями подробной описательности в устной поэзии?

Нам кажется, что именно искусство в казахской поэме прочно связано с национальной традицией, а отступление от законов искусства неорганичны. Раздумья, песни, слова Курмангазы выражают его натуру, мир его матежных чувств. Но если герои поэм остались для нас незнакомцами, как можем мы поверить в их слова, почувствовать их национальную самобытность?

Могут сказать и другие: ведь и в хороших поэмах — «Курмангазы», «Лес в пустыне шумел», «Степной колокол» — встречаются отдельные длинноты, срывы в неоправданную декламационность и т. д. Это верно. Верно и то, что в поэмах, но удавшихся в целом, иногда блещит острота искусства.

По мы, быть может, несколько заострили удачи и неудачи поэтот, чтобы прояснить главное, плодотворное начало в казахской поэме и показать, что, по нашему мнению, мешает развитию этого поэтического жанра.

Надежный залог утверждения плодотворных начал казахской поэмы — талант поэтот, их жадный и любовный интерес к жизни Советского Казахстана... Е. ЛЮБАРЕВА

В ЦЕНТРАЛЬНОМ Доме работников искусства открыта интересная выставка: она посвящена армянскому театру, корни которого уходят в глубокую древность. И хотя самый факт существования драматического театра был известен, все же экспозиция макетов, фотографий, книг и статей о нем значительно расширяет представление об этом замечательном явлении культуры.

Первый театр был создан царем Тиграном II более двух тысяч лет назад в Тигранкерте — богатой и красивой армянской столице, которая строилась под влиянием античной архитектуры.

Величественным было здание театра, по своему внешнему виду напоминавшего римский Колизей. Подобный же театр спустя несколько лет был воздвигнут в городе Арташате, на берегу Аракса.

В те времена римский полководец Лукулл вел борьбу с Армией и после упорной осады овладел Тигранкертом. Узнав, что в армянской столице находится много актеров, выписанных в свое время главным образом из Греции, Лукулл пользовался их услугами во время победного торжества. Актеры танцевали на площадях, принимали участие в играх, выступали на сцене.

Известно, что в арташатском театре в 53 году до нашей эры ставились трагедии Еврипида «Вакханки» — первый исторический засвидетельствованный профессиональный спектакль на территории нашей родины. Позже в древней Армении существовал и развивался театр античной трагедии и народно-комедий. Постепенно он превратился в профессиональный театр. Несмотря на бедственные нашествия и войны, народ умел хранить свою высокую и самобытную культуру.

Когда ходили по залам Центрального Дома работников искусства и смотрели на театральные костюмы и бутафорию, на макеты, воспроизводящие сцены из спектаклей, перед глазами открывались страницы истории армянского театра.

Обращает на себя внимание раздел, посвященный XIX веку. Он богат и разнообразен. Много интересного рассказывает здесь о выдающемся армянском актере Петросе Адамяне. Он был разносторонне одаренным человеком: создавал захватывающие, лирические стихи, писал портреты и натюрморты, Шекспира читал на его родном языке. Адамян восторженно аплодировали Москва и Петербург, Одесса и Киев, Тифлис и Харьков... Театральные рецензенты сравнивали его с выдающимися итальянскими трагическими Сальвони и Росси.

Славные страницы в историю армянского театра вписали великая трагическая актриса Сирануйш и крупнейший актер-реалист Ованес Абелян, создатель незабываемых образов в пьесах армянских драматургов. В борьбе за реалистический театр большую роль сыграли такие армянские актеры, как Георг Петросов, Ольга Майсруян, Сатеник Адамян и сын Бенно Эзи Севуляян, который в начале нынешнего века связал свою судьбу с Московским Художественным театром.

Выставка довольно подробно рассказывает о выдающихся артистах — наших современниках: Варгаме Палазяне (который, кстати сказать, свыше 2000 раз сыграл роль Отелло), В. Вагаршяне, Асм. А. Аветисяне, Г. Нерсисяне и др.

Особый раздел посвящен театральным художникам. Большое впечатление оставляют эскизы Мартироса Сарьяна к опере «Давид-Бек», Г. Георгияна к «Учителю танцев», В. Вартияна к «Молодой гвардии».

Можно смело сказать, что организаторы выставки сделали хорошее дело, дав москвичам возможность познакомиться с историей армянского театра и выдающимися его деятелями. От «Вакханок» в Арташате до «Геоминии» в Ереванском театре имени А. Спендиарова, до «Аршака II», показанного в Москве в дни декады армянского искусства и литературы, — такая замечательная история сценического искусства Армении.

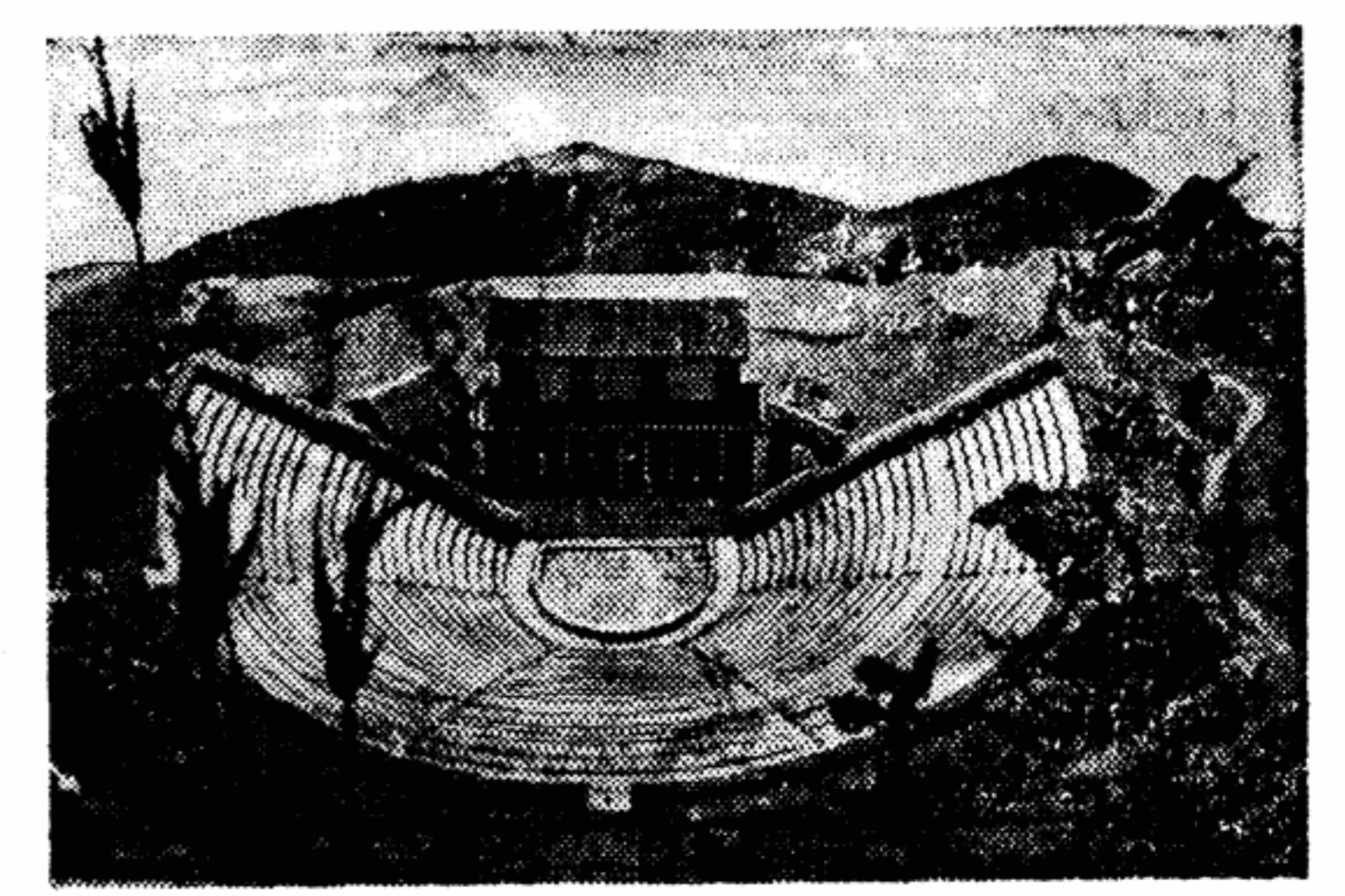
М. МЕРЖАНОВ

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИТЕРАТОРЫ У ЗАВОДНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

ТРИДЦАТЫЙ год существует на Московском автозаводе имени Лихачева старейшее в стране литературное объединение. За последние две рабочие писатели установили крепкие дружеские связи с зарубежными литераторами. В гостях у членов литературного объединения был известный кубинский поэт Николас Гильес. Поэты автозавода встречались с писателями Вьетнама, Чехословакии.

16 декабря на занятии литературного объединения завода присутствовал польский писатель Люциан Рудницкий. Он рассказал о том, как работал над книгой «Старое и новое», посвященной истории пролетариата Польши.

2000 ЛЕТ АРМЯНСКОГО ТЕАТРА

На снимке: армянский эллинистический театр в Тигранкерте. Фото А. ЛЯПИНА

Обыденное и героическое

В САМОМ ДЕЛЕ, какая она, жизнь на войне?

Солдат вышел из боя, вернулся из разведки, занял исходную позицию для атаки, засел в обороне... Занялся за спиной винтовку. Вытер рукавом с лица пот и грязь. Улыбнулся: — Живем!..

Наступает прожектор, на них на войне не было, прожектор, пролитый ожиданием боя, страхом перед смертью, надеждой...

Нет, конечно, на войне жизнь человека негодима, от драматического и героического, потому что там она всегда на грани, отделяющей ее от смерти...

Первый очерк «Горькое лето», которым С. Борзенко открывает свою книгу записок военного корреспондента, посвящен именно таким «обыкновенным» дням.

Нарочита будничность слов, которыми пользуется писатель, еще больше подчеркивает эту сторону авторского замысла. Речь идет о трудной жизни человека, вступающего в войну.

«...В воздухе пахнет боем... Младчик Колыч сидит на стволе 76-миллиметровой противотанковой пушки и подкидывает в гимнастерке чистенький подворотничок. Командир орудия Михаил Тарасенко бредет... Какой-то красноармеец пишет письмо. Я вижу крупные, почти детские буквы, читаю: «Дир, прекаресен, моя дорогая»...

В этих словах — лейтмотив очерка «Горькое лето», да, пожалуй, и всей книги.

Кругом смерть и горе, слезы людей, горящие города и села, разбитые надежды. Но все равно мир и наполняющая его жизнь прекрасны, и никакая война не остановит ее трегостного, страстного, пылкого бегства...

ЗНАЧИТЕЛЬНО, что сборник начинается именно с рассказа о трудных днях начала войны: о которых — что греха таить! — не так уж много сказано в нашей литературе.

Кто из нас, участников минувшей войны, не запомнил поистине горькое лето 1941 года?

Война едва началась, а мы уже думали о ее конце. Мечтали, как вернемся домой, примемся за привычный труд, за учебники, за все то, что так неожиданно и трагически было прервано взрывами авиационных бомб на рассвете 22 июня...

Наши надежды — надежды героев «Горького лета» — не оправдались. Война оказалась куда сложнее и длиннее, чем мы предполагали.

Не все нашли в себе силы совершить от начала до конца этот четырехлетний беспримерный подвиг. Были и такие, которые не выдержали в самом начале... Вот один смалодушничал в критический момент, «срывал с петлиц цепичек, как репы, зеленые кубики».

Читая об этом в «Горьком лето», так и представляешь себе лирике, трагические от животного страха руки труса и предателя.

Зато какие замечательные качества неожиданно раскрываются в тысячах и тысячах ядровых участников войны. Вот комиссар Куранов. В него, как сообщает автор, влюблена вся дивизия.

С. Борзенко. «Жизнь на войне». Записки военного корреспондента. Воениздат, 1958.

зия. И это чувствуешь в каждом слове, хоть комиссар нарисован суховатыми, сдержанными мазками. Воочию видишь человека железной воли, непоколебимой веры в победу, видный коммунист, комиссар ленинской закалки...

Е СЛИ в «Горьком лето» речь идет о фронтовых буднях первых дней войны, то очерк «Десант в Крым» переносит нас в пору победоносного наступления.

И здесь — военные будни, но это — будни вошедшей в историю боевой операции, предпринятой нашим командованием в 1943 году для освобождения Крыма...

Нескольким десантным катерам, на одном из которых был и С. Борзенко, удалось причалить к берегу. Остальные отскочили от вражеского заградительного огня, и они были вынуждены повернуть обратно. Точно и лаконично рассказывает писатель о том, как происходила высадка. Все видно: темную ночь, рассеянную лучами прожекторов и всполохами взрывов, бурное злое море, тонущих людей и тех, кто молча сплывал вблизи, стоит под дождем в горящих катерах и мотоботах, идущих на последнем дыхании к неуязвимым берегам, на которых укрепились и отчаянно запираются враг...

Тут же, в захваченном у фашистов доке, пишется первое корреспонденция. Случайные попутчики доставляют их в газету. Одна из них передана поному майору Нуширу Катею. В тот момент возвращался майор, поточил, майор погиб, морские волны прибили его труп к кавказскому берегу... Там и была найдена эта корреспонденция.

...Атаки гитлеровцев на прибрежных «пляжах», удериваемый жесткой советских войск, не прекращались ни на минуту. Остатки было некуда — полади плескались море. И люди дрались до последнего, истекла кровью...

В эти критические часы комиссар сказал корреспонденту: «Бросайте свою пишанию, идите на правый фланг. Вы отвечаете за него головой, наравне с командиром батальона».

И тот пошел в бой и выстоял вместе с батальоном...

В КНИГЕ опубликованы также отрывки из записной книжки писателя.

Это картины военной жизни лета и осени 1941 года. Многие из них берут за живое, заставляют яственно припомнить самые мелкие подробности, строчки записной книжки волнуют поро больше, чем иное пространное описание.

Да, вот она, жизнь на войне! В книге С. Борзенко есть и немалые недостатки. Ряд очерков и корреспонденций, которые вошли в нее, страдают схематизмом, неглубоким психологическим анализом.

Думается, что и автор, и редактор сборника М. Рудин совершили ошибку, не оживив рукописи книги более строгим и требовательным взглядом...

Несмотря на эти недостатки, в записках военного корреспондента С. Борзенко вам покажутся простые советские люди — герои его очерков, они оставят след в вашей памяти, послужат примером.

Вл. ПАВЛОВ, Герой Советского Союза

«Да» и «нет» критика

БЫТЬ МОЖЕТ, покажется странным упоминание о критическом в разговоре о книге критика.

И. ГРИНБЕРГ

Конечно, это определение здесь звучит на особый лад, несколько условно. Но как не вспомнить его при чтении строк, проинкнутых подлинным волнением, глубоко личным:

«Если подумать о том, что же вообще главное в книге, откуда, как радиусы из центра, бегут все еще столь многочисленные темы и подтемы, ответ может быть только один. Главное в книге — вот это чувство личной ответственности за все: за судьбу Родины и судьбу мира, за воспитание новых поколений, за свою и чужую работу, за советскую литературу.

Это чувство личной «мобилизованности» на весь тот срок, в который человечество будет добиваться разумной и справедливой жизни, это ощущение личного участия в борьбе на любой точке земного шара пронизывает все статьи, письма, отрывки из записных книжек, собранные в книге».

Так пишет критик Е. Книпович о книге писателя Петра Павленко. Но в этой точной и многообъемлющей характеристике отчетливо выступает воодушевление, владеющее самим критиком.

Герои и темы книги «В защиту жизни» весьма разнообразны. Читатель здесь найдет статьи, посвященные творчеству советских писателей — Фадеева, Тихонова, Леонова, Гинина, Эренбурга, творчеству зарубежных романистов — Пуйманова, Зегер, Арнольда Цвейга, работам своих товарищей критиков — Ермакова, Смирновой, Александрова и критическим выступлениям Павленко, Антокольского, Эренбурга. Заметим здесь же, что этот перечень имен не исчерпывающий: представления о содержании книги; характеристика книги Ермакова, Е. Книпович выдвигает свое истолкование противоречий Достоевского: спор с Эренбургом, она заставляет выступать против него самого Стендаля; сочувственно оценивая статьи Смирновой, попутно дает собственную оценку произведениям Федина.

Большой круг литературных явлений прошлых веков и наших дней охвачен в этой книге. И вместе с тем она едина: обращаясь к опыту художников разных времен, школ, направлений, Е. Книпович утверждает свои взгляды на литературу, свои представления о месте и роли искусства в жизни современного человечества.

Е. Книпович высоко ценит и в работах других критиков подобную последовательность и цельность взглядов. Ей дорога и, например, отчетливость идейно-эстетической позиции Смирновой: «все да и нет не существуют в книге друг без друга». — с радостью подчеркивает она. И эта похвала полностью относится к ее собственному труду.

Е. Книпович решительно отстаивает свои идеалы и настойчиво нападает на все, что этим идеалам враждебно.

Кановы же да и нет книги «В защиту жизни»? Что люби и что ненавию ее автору?

А. М. Горький видел в исторической сознательности важнейшую черту литературы социалистического реализма. Е. Книпович показывает, как многообразие проявляется эта черта, обращаясь к «Разгору» и к стихам Тихонова, к роману «Русский лес» и к критическим портретам Антокольского. Речь идет о разных жанрах, о художниках весьма несхожих, и критик очень внимателен ко всем индивидуальным особенностям, и неповторимым свойствам писателей и их произведений. Но и в каждом новом случае, ясно видно, как обнаруживает себя главное: подход к событиям с точки зрения сознательности, организованности творчества истории.

Раскрывая силу искусства, вдохновенного передовых идеями эпохи, Е. Книпович говорит категорическое нет «безоголовой» литературе, мастерству, понимаемому вне связи с темой, идеей. Технология произведений: мировоззрение переносит — вот принцип, подтверждаемый опытом корифеев литературы классической и современной, отечественной и зарубежной.

А отсюда идут нити к другой истине, столь же дорогой критику, — эстетическое освоение эстетики социалистического реализма. Великие мастера прошлого писали для того, чтобы утверждать социальное добро и противодействовать социальному злу. Нравственная целесообразность художественного слова в наши дни получила мощную основу в теории научного социализма, в борьбе

за создание общества, в котором нет места эксплуатации и унижению человека. Е. Книпович исследует, как стремление к высокой цели породило многие прекрасные образы: молодых героев Краснодона, хранителя русских лесов Вихрова, героев стихов и рассказов Тихонова... Именно преданность принципам социалистического гуманизма и побуждает критика быть непримиримым в отношении ложного человеколюбия. Ведь снисхождение к людским слабостям и порокам стало в наши дни одной из самых хитрых догм ревизионизма. Вот почему и здесь да и нет критика находятся в столь прочном взаимодействии.

Так же тесно связан органический и продуманный демократизм оценок, характеристик с ненавистью к снобизму, к литературной мишуре, к претенциозному шаблону. Очень зорко распознает Е. Книпович этот «грибок», порой возникающий и в творчестве талантливых писателей. И беспощадно отделяет его скисшим критическим анализом от здоровой ткани, находящейся под угрозой «заражения».

Наступательный дух свойствен всем наиболее сильным страницам книги. Здесь скажется прежде всего убежденность критика в том, что наша литература — ее идеи и достижения — не нуждается в пассивной «обороне», что по природе своей искусство социалистического реализма действительно и в своем жизнестроительном утверждении, и в яростном, гневном отрицании всего чуждого, наносного, межумочного.

Да, судя по всему, Е. Книпович постоянно чувствует себя участником нелегкой, но на мгновение не затухающей идеологической борьбы, принимающей в образном творчестве особенно сложные и порой «мистифицирующие» формы. Ограничиваясь здесь повторением общих и общезвестных истин (грех, которым, увы, еще нередко страдает наша критика) — значит быть вольнолюбивым, значит лишь имитировать боевую, потому что самые звонкие, по всем правилам риторики построенные фразы, хвалебные или порицающие, никого не убедят и не обогатят, если это красноречие не будет подкреплено точным и глубоким анализом. Е. Книпович освещает логику образного развития так принципиально и исчерпывающе, что и самый критический разбор приобретает пластичность и отчетливость, почтающиеся неотъемлемыми свойствами словесного творчества.

Е. Книпович, высоко оценивая работы других критиков, видит в их частностях слабых результат пренебрежения к многообразию конкретно-исторических обстоятельств. Если бы В. Александров оценил революционное движение шестидесятых годов не только в сравнении с революцией 1905 года, но и как величайшее событие своего времени, — он дал бы более верную и полную характеристику творчества Некрасова.

Если бы Ермаков увидел, в каком широчайшем кругу протекает бегущая творческой мысли Достоевского, если бы не обошел обилие ассоциаций, связывающих — как правило, полемически! — образы, созданные писателем, с французским просвещением и утопическим социализмом, с немецкой философией и западноевропейским романом, очень многое произошло бы в понимании карамазовщины и образа князя Мышкина, «Бесов» и «Записки из Мертвого дома».

Автор книги «В защиту жизни» не остается равнодушным к усилиям своих «однопольчан», работающих на очень трудном участке литературы. Дело здесь отнюдь не в готовности «вынести балл» — положительный или отрицательный, — а в стремлении поддержать достижения товарища, если нужно, «заострить» их и расширить, если потребуется, указать на ошибки и (как говорит сама Е. Книпович в статье о В. Александрове) вынести их из книги, «как мусор из дома».

Конечно, так может действовать критик, умеющий связывать развитие литературы с всем ходом общественной жизни, с насущными задачами идеологической борьбы. Здесь «секрет» свободного владения разнообразнейшими фактами, тонкого и точного их объяснения, простоты переходов от отдельного произведения или даже одного действующего лица, ситуации, эпизода и философским обобщением.

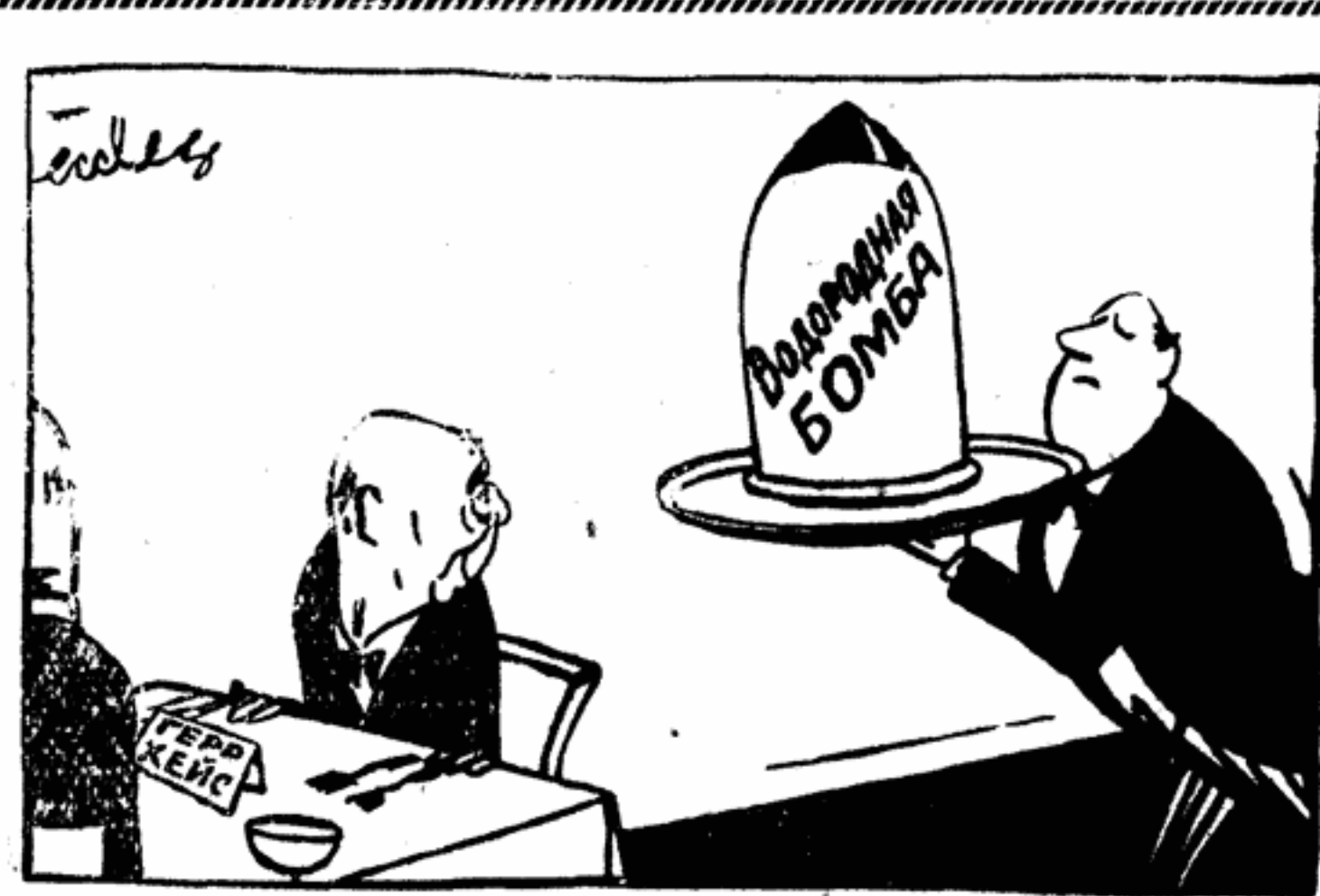
Так характеристика галереи крестьян — участников партизанского движения в «Последнем из удег» дает основание критику подчеркнуть непреходимую пропасть, отделяющую эту книгу художника-коммуниста от норм «меткой чистоплюйной морали». Так, разговор о «Баринадах» Павленко позволяет рассказать о том, как происходило «расщепление» индивидуализма и гуманизма в сознании некоторых писателей на грани двадцатых и тридцатых годов. Так, небольшой рассказ Тихонова «Возвращение» оказывается поводом для выяснения вопроса — абсолютна ли грань между человеческой историей и человеческой предисто-

рией! Так, разбор образа Грацианского перерастает в обобщение, касающееся художественной обрисовки вратов трудового человечества, — ценность картин этого ряда определяется желанием художника вскрыть суть социального зла и тем помочь его искоренению. Во всех этих случаях выводы, имеющие теоретическое значение, и scrupulous исследование особенностей композиции и стилистики того или иного писателя представляют собой целое.

Правда, не все статьи в равной мере целы и обстоятельны. Например, «Большая война белых людей», посвященная циклу произведений Арнольда Цвейга о войне 1914—1918 годов, уступает в своей полноте статьям о романах Анны Зегер («Уроки истории») и особенно о трилогии Марии Пуймановой («Народ входит в историю»). ей недостает интереса к Цвейгу-художнику: логика образов здесь понята лишь как логика развития характеров, а между тем, как ни важна эта сторона повествования, ее все же не исчерпывает образная суть произведения.

Пишущему эти строки показалась слишком описательной статья о творчестве Тихонова («Путь поэта»). Она содержит ряд точных характеристик. Очень хорошо сказано о том, как Тихонов «ощущает неразрывную связь жизненной области с опытом многовековой человеческой мудрости, запечатленной в книгах», как это сочетание придает «своеобразную окраску поэтическому и прозаическому холяству» писателя. Но путь поэта был более трудным, искания Тихонова были напряженнее, перемены в его творчестве заметнее, ошущение, чем это представляется в статье. Впрочем, мы можем обратиться к Е. Книповичу, его же сказанные по поводу статьи Антокольского о Тихонове: «И разве чувство истории в стихах Тихонова всегда одинаково? Разве всегда одинаковы в них образ родины? Разве мир «Орды» и «Браги», возникший «из равновесия диких сил», во всем похож на ту «землю и землю», память о которой была путеводителем поэта в лабиринте предвоенной Европы? Разве Тихонов сразу поднялся до «исторической сознательности» своих предвоенных и военных стихов»? На эти обоснованные и прямо поставленные вопросы и сам автор статьи о Тихонове не дал исчерпывающего ответа, оставил их без внимания, и поэтому динамика роста художника ускользнула от него. А ведь Тихонов сам рассказывал о том, как он «прошел путь сложных исканий».

Как видим, ясность и действительность

НЕСКОЛЬКО ИЛЛЮСТРАЦИЙ К СЕССИИ НАТО

Народам нужен мир, а не американские военные базы!

В ПАРИЖЕ продолжат заседать сессия Совета НАТО. Это не сулит ничего хорошего европейским народам. Где разместят американские ракетные базы, как поборются с нашествием НАТО и бундесвера атомным оружием, — таково содержание седьмой сессии НАТО. Рисунок художника Эдмунда из английской газеты «Дейли уорнер» называется «Основное блюдо». Вот чем усиленно потчуют Западную Германию ее американский партнер по НАТО. Может быть, Аденауэру и его окружению это блюдо и по вкусу, но прустские немцы оно лишь аппетитно. Боннский министр обороны Штраус — явный сторонник оснащения бундесвера ракетным оружием. Опасное пристрастие господина министра высмеял западногерманский журнал «Дицей» в карикатуре под названием «Современный вальс Штрауса с ракетой «Матадор». «Танец смерти» — так будет правильно назвать этот вальс.

Над двумя полюсами

СЕГОДНЯ имя членов экипажа Виктора Перова повторяют все газеты мира: советские летчики, спасшие бельгийских исследователей Антарктиды, вызывая всеобщие восхищения. Сейчас уместно хотя бы коротко сказать о складе жизни и условиях работы, подготовивших людей к подвигу мужества и благородства. Вот две записки о Перове, сделанные в журналистском блокаде в разное время.

ГОД 1948. Только что пройден Северный полюс. Мы здесь впервые. В полетной рубке и позади, где столпились пассажиры, становится тихо. Может быть, все смущены обыденностью момента — все-таки Северный полюс! Смуглое лицо Перова, еще несколько минут назад почти melancholичное, преобразилось.

— Перелетаю немножечко, чтобы с гарантией, — негромко произносит он, глядя вниз и слегка подвигаясь на кресле вперед. — И-и-и... на-ча-ли-и...
Под эти слова солнце, висевшее сбоку, двинулось по горизонту в сторону, а самолет плавно, хочется сказать — с чувством, ложится в традиционный вираж, позволяя каждому члену экипажа глянуть на некую точку, в самой, что называется, торцев воображаемой земной оси.

— Десятиминутное путешествие вокруг земного шара, — объявляет Перов. — Мир капиталистический...
Я не сразу соглашаюсь, о чем он, не вдумав оценивая точность этой фразы. Но действительно, если посмотреть отсюда «вниз», на гигантский глобус-материку, то где-то очень далеко, у самой кромки Ледовитого океана, проплывают сейчас безлюдные берега Северной Америки, Атлантика, туманные Британские острова, фьорды Норвегии... — И мир социалистический...
Выраж выполняется неторопливо, мастерски, он приобретает значение торжественного приветствия. Потом каждый принимает по наперстку коньяку. Штурман Швецов говорит летчику, размахивая альпийской коркой:

— Я будто фронтом командовал, сражение выиграл, — вот как у меня на душе, Виктор Михайлович!
— Я под восьмидесятью параллелью часто бываю, — отвечает Перов. — Так что вроде бы пристрелялся и полюсу, притерся. Но приятно, конечно.

— Что вы! — возмущается Швецов. — Дойти до полюса, определиться по светилу, дать обратный курс... Это ж мечта моя!
— И давно мечтал?
— Давно... Да разве сюда попадешь? Событие-то... с днем рождения совсем немного не совпало. Зато теперь уж я его отучу!

— У меня тоже не совпало.
— Когда же?
— Деслято... Только в ноябре — десятого. В самое время, между прочим, подгадал: десятого «ябрь» семнадцатого года родился. Также не забудешь. Старого мира ни одного дня не видел. А новому — всю жизнь ровесник.

— Могу сказать, — вклинивается в разговор командир экспедиционного отряда, — теперь я покрыв расстояния в полземли. Однажды мы летали в экватор, чтобы перехватить корабли матежников. Я ведь в Испании воевал...
В лице Перова снова перемена, как перед выражением, с которого он оглядывал планету. Уже сколько лет минуло, а след, оставленный испанскими событиями, глубок и значителен. В ту тревожную пору комсомолец Перов стал курсантом авиационного училища. Как тесно сплелись тогда события. Сердце Перова тревожно билось, когда приходили новые сведения о защитниках республиканского Мадрида и когда в те же самые дни появилась на земном шаре первая дрейфующая станция.

— Теперь бы в Антарктику, — произносит взгляд Перов, глядя на нас лукаво, с вызовом. — На Южный бы полюс!
...24 октября 1958 года, выполняя полет в глубь Антарктиды, Перов первым из советских летчиков пересек Южный полюс.

ГОД 1954. Экспедиция Главсевморпути в заполярном районе Арктики. Ученые черпали там наблюдения и факты большой ценности, но все, что возбуждало их интерес, — мощные торошения льда, неожиданные выходы теплых течений, господствующее направление ветров ураганной силы, — все оборачивалось против летчиков; каждая посадка на обмачивный лед не исследованного еще района означала для экипажа серьезный риск.

И случилось, что в тишине кабины, когда машина уже мчит по льду, за спиной летчика неожиданно раздавался: «Ах, черт возьми!». По сдержанной ярости этого выкрика почтенного ученого Перов поинтересовался, что подними он сейчас самолет, наука понесет крупную, быть может, невосполнимую потерю. И тогда на предельной скорости он пуская машину по льду вперед. Потом, не замедляя хода, круто врал в сторону, в случайный просвет между торосами, и, проскользнув на соседнее поле, чутым угадав его прочность, оставив машину.

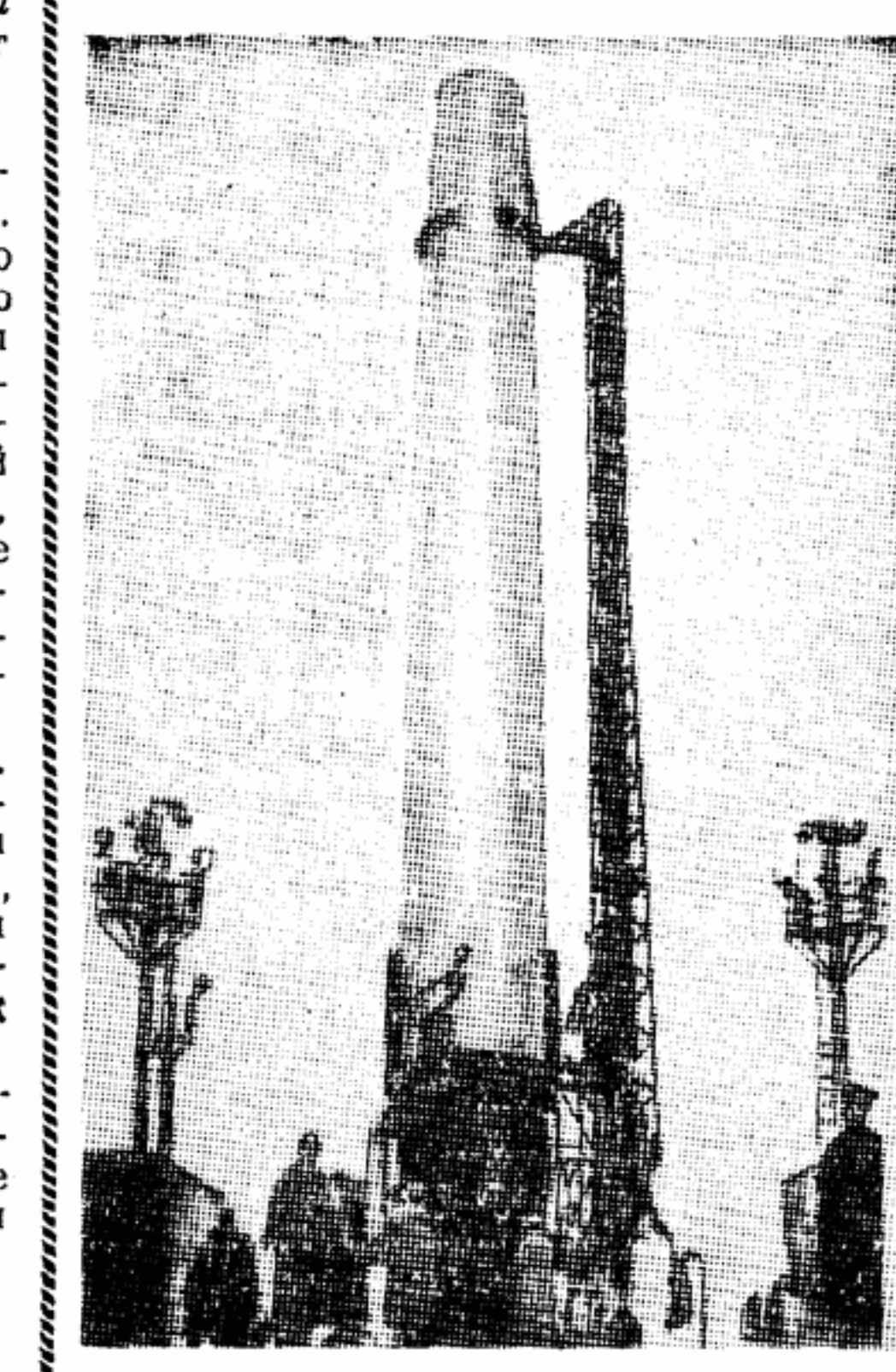
— Как он там сел? — озабоченно спрашивали ученого о Перове.
— Да как бы пристрелился. Я спросил, как ему было... Говорит: «Привычно».

...По плотному снегу, прямо из-под ног, уходят вперед прямые, как стрелы, следы; взрыленные колесами и накатанные самолетными лыжами, они упираются в высокий надол, возмущенный изю льда, его светлые зубцы, концы льдины и острей. Флажки и дымовые шапки, жидким пушистым пробоянием вдоль посадочной полосы, почти не сближаются в перспективе — так ко-

рота эта стартовала площадка. И в ширину она не больше тридцати метров. Самолет Перова появился откуда-то сбоку на небольшой высоте. В его стремительном сближении с крохотным аэродромом — суровая непреклонность; летчик знает, что надобно, ропаки, снег не простят ему и малейшей оплошности; но в его сноворохотных, точных действиях — не дерзость и не вызов, а хозяйское привычное торжество человека над здешиним оттопированным небом, над раскинувшейся безмолвной пустыней.

Самолет скользнул над ропаками. Несколько мгновений между отвисшими пятками лыж и снегом держится тонкий просвет; он неуловимо исчезает, и, наверно, раньше, чем это смогли определить сидящие в машине пассажиры, все обитатели лагеря увидят, как лыжи несильно коснулись льда...
Надо думать, именно так приземлился и на этот раз летчик-коммунист Виктор Перов, когда он в районе Кристальных гор отыскивал и спасал бельгийских исследователей.

Артем АНФИОГЕНОВ

Артем АНФИОГЕНОВ

Дебют, ведущий к проигрышу

ГОСПОДИН Петшица, владелец писчебумажного магазина в Младой Болеславе, проиграл. Он не знал, как сбыть с рук 2000 портретов королевского старичка — Франца Иосифа Габсбургского. Покупатели на него и смотреть не желали. Петшица повесил объявление: «Продажа по общедоступным ценам. Император Франц-Иосиф I — за 15 кроны!» Реклама не сдвинула торговлю с мертвой точки. Между тем в чулане, где хранилась куча портретов, чернел кот в стесненной пачкал изображения австро-венгерского монарха. Затем дело, начавшее котом, докончили куры. Они выкрасили бороду императора в зеленый цвет. Петшица вывесил новую рекламу: «Продается старец-монарх со скидкой: вместо 15 за 2 кроны». Вся Млада Болеслава перебрывала у магазина Петшички, чтобы убедиться, как катастрофически упали акции габсбургской династии, рассказывает Ярослав Гашек, юмористу которого мы вкратце изложим.

Впрочем, более чем прохладное отношение чехов к Габсбургам разделяли и венгры и сами австрийцы. 3 апреля 1919 года австрийский парламент принял «Закон о габсбургско-лотарингской династии». По этому закону претендент на престол из габсбургской семейки категорически запрещалось совать свой нос в Австрию.

Но простые стулья по сравнению с тронным показались низложенным Габсбургам не очень-то комфортабельной мебелью. На стульях им как-то не сиделось. Карл I, которого в 1918 году попросили встать с венгерского трона, тремя годами позже сделал отчаянную попытку присесть на венгерский престол. А другой Габсбург — Вильгельм провозгласил себя императором, как король Украины Василем Вышивачем. Вот до чего у Габсбургов сидел позыв к трону! Обе попытки, естественно, закончились шпинком.

Тогда за дело взялась энергичная Зита — вдова Карла, переселившаяся в Канаду с многочисленными отпрысками. Под ее влиянием детки возомнили, что их ждет престол. Особенно уверовал в эту чуху старший сын — Отто, главный герой нашего сегодняшнего повествования.

Эрцгерцог Отто Габсбургский, сорочаштистый мужчина без регулярных доходов и определенного места жительства, давно уже делает круги над Австрией, высматривая, где бы пристроиться. До сих пор обстоятельства не благоприятствовали посадке. Во-первых, австрийский народ не для того стращался наземь в 1918 году, чтобы впустить Габсбургов, чтобы через 40 лет прогнать на свою шею какого-то зинного сына. Акции Габсбургов нынче не подымаются с тех времен, когда господин Петшица мучительно старался распродать портреты Франца Иосифа.

Во-вторых, честолюбивым замыслам Отто мешает пункт 2-й статьи 10-й государственного договора с Австрией, подписанного в мае 1955 года. Означенный пункт гласит: «Австрия также обязуется сохранить в силе закон от 3 апреля 1919 года о габсбургско-лотарингской династии».

И тем не менее Отто Габсбургский лихофадочно уплывает чемаданы, готовится к возвращению в Австрию. Нашлись, представьте, добрые люди в самой Австрии, которые расщипают для него посадочную площадку и уже печатают его портреты на радость котам и курам на смех. Самое странное, что в этой подготовке принимает участие не только горстка монархистов — замшелых старичков и старух, но и руководители правящих партий — «социалистической» (СПА) и «народной» (АНП).

Депутат Пробст (СПА) заявил с парламентской трибуны: «Отто Габсбург-

ский, если он подпишет официальное отречение от трона, может без всяких условий вернуться в Австрию». Ну, конечно, Отто подписал все, что угодно, лишь бы его выпустили из там... Если Париж стоит мессы, прикидывает он, то Вена, наверняка, стоит клоача распски.

На вопрос корреспондента газеты «Нейер курьер», как он намерен в случае возвращения в Австрию обеспечить себе средства существования, Отто ответил смиренно: — Я уже в течение многих лет живу литературным трудом и не намерен оставить эту деятельность в будущем.

Однако, делая вид, что он вполне удовлетворен простым венским стулом, скромный «литератор» мечтает о простом венском троне. Вождя деления Отто ни для кого не составлял тайны. Английское агентство Рейтер запросто титлует Отто «претендентом на трон Австро-Венгерской империи». Сам эрцгерцог в своих статьях как покорительный пафосом рассказывает прелесть конституционной монархии. Он утверждает даже, что форма правления более, чем любая другая, «соответствует условиям XX века и атомной эпохе!»

Ступня на политическую шахматную доску под видом маленькой королевской пешки, Отто Габсбургский расщипывает с помощью многоходовой комбинации просочить в февраль. Те, кому положено, уже обдумали, как разгнать этот дебют. Орган австрийских монархистов «Ди Кроне» пишет: «У нас перед Францией имеется большое преимущество... Нам не нужно искать де Голя, потому что... Австрия имеет Отто фон Габсбурга». Вот вам и план игры! А Г-н Тонич, депутат парламента от АНП, провознес вдохновенную речь, смысл которой сводился к следующему: монархистское движение действительно ставит себе целью изменение государственного строя конституционным путем. И оно имеет на это право... «Закон о габсбургско-лотарингской династии», представляющий собой часть государственного договора, является несправедливым.

Таким образом, — и об этом следует сказать вполюе ясно и серьезно, — в Австрию предпринимается действия, прямо противоречащие государственно-му договору, подписанному в числе других держав и Советским Союзом.

Дебют королевской пешки может привести Австрию к весьма тяжелому эндшпилю. Во время венгерских событий Отто Габсбургский, надаживавшись, требовал, чтобы Запад оказал активную, открытую поддержку фашистским путчистам. А в новомодном послании, появившемся на столбах газеты «Зальбургер нахрихтен», он писал: «Нейтралитет Австрии не означает отъезда от союза с Западом. Тысячелетние традиции, объединившие Будапешт, Братиславу и Прагу с Веной, не уничтожены». Как ни слаб «литератор» Отто Габсбургский, его творческий почерк достаточно характерен. Это по черк врага мира и разнузданного реваниста.

Дело, следовательно, не только в том, что дряхлеющие монархисты, скопавшие по дворцовой мишуре, хотят оживить режим, выкинутый на свалку истории. Габсбург вводит в темную игру и иные, более влиятельные, чем монархисты, силы. Это силы, которые стремятся ликвидировать нейтралитет Австрии и привлечь страну к западному военному лагерю. Отто Габсбургский с его бредовыми мечтаниями о реставрации Австро-Венгерской империи нужен как зная внутренней (да только ли внутренней?) реакции, авантюристам и реванистам, поджигателям войны.

Но стоит ли разыгрывать дебют, заведомо ведущий к поражению? М. ВИЛЕНСКИЙ

ИСКУССТВО ЗА РУБЕЖОМ

ИЗДАНИЕ СТИХОВ МАО ЦЗЭ-ДУНА

В ОСЕМНАДЦАТЬ стихотворений и МАО ЦЗЭ-ДУНА, опубликованных почти два года назад в китайском журнале «Шикань» («Поззия») и переведенных затем на русский язык, вызвали большой интерес среди литературной общности многих стран. Академия искусств ГДР выпустила эти стихи отдельным сборником. Мао Цзэ-дун, говорится в предисловии к сборнику, не только выдающийся политический деятель, но и замечательный поэт. Его восемнадцать стихотворений — это достижения литературы нашей эпохи. Несколько стихотворений Мао Цзэ-дуна и статью о его творчестве поместил также берлинский журнал «Ауфбау». Сборник стихов Мао Цзэ-дуна издали и в Чехословакии. Восемнадцать стихотворений Мао Цзэ-дуна вышли недавно в переводе на бенгальский язык. Этот сборник предается письмом Мао Цзэ-дуна редактору журнала «Шикань».

Юбилей Словацкого

3 АПРЕЛЯ будущего года исполняется 110 лет со дня смерти, а 4 сентября — 150 лет со дня рождения крупнейшего польского поэта Юлиана Словацкого. В Польше этот год объявлен годом Словацкого.

Польская журналистка Данута Ломачевская писала по просьбе «Литературной газеты» секретаря комиссии по проведению торжеств, связанных с годом Словацкого, директора Музея Мицкевича в Варшаве. — Начало празднования года Словацкого, — сказала Данута Ломачевская, — будет торжественная сессия Польской Академии наук. Большим событием в театальной жизни станет фестиваль песен Словацкого. В нем примут участие все профессиональные театры, а также любительские коллективы. Театральный фестиваль продлится целый год.

— Предполагаются ли издания произведений поэта? — Конечно. Недавно вышло из печати новое издание монографии о Словацком, принадлежащей перу умершего несколько лет назад академика Юлиана Клейнера, замечательного знатока жизни и творчества поэта. В будущем году издательство «Оссолоннеум» закончит издание полного собрания сочинений поэта. «Оссолоннеум» и Государственный издательский институт готовят также массовые издания стихов, писем и пьес поэта.

— В конце торжеств в Варшаве будет открыт памятник великому поэту. Роман Нагара, отмечает критик, дает живые картины роста политической активности индийского народа. С особой симпатией рисует писатель образы индийских женщин. Он говорит об их страданиях и невзгодах, горячо выступает в защиту их человеческих прав.

«Капля в море»

ИНДИЙСКОЕ издательство «Итаб Махал» в городе Аллахабад выпустило на языке хинди новый роман писателя Амритла Нагара «Капля в море». Этот роман, пишет газета «Нью-Эйдж», воссоздает широкую картину отмирания феодального общества в Индии. После Прем Чанда, замечает автор рецензии, мы впервые встречаемся с таким обилием героев, где каждый наделен своими индивидуальными, неповторимыми чертами.

В центре романа — образ крестьянки Там, Брошенная мужем, испытавшая много горя и

Канадский поэт о Москве

ВЫДАЮЩИЙСЯ канадский поэт Уильсон Макдональд написал книгу о своей поездке в Советский Союз в 1957 году. Макдональд ведет рассказ в виде дневниковых записей, и читатель знакомится с автором постепенно вместе с советскими людьми.

Автор пишет только о том, что он видел и пережил сам. Как видно, именно поэтому он назвал свою книгу «В Москве на свой страх и риск». Макдональда больше всего поразило уровень культуры советских людей и их искреннее гостеприимство. Образование для советского человека — «не просто приобретение знаний. Оно — в пробуждении жажды и стремлении к новому, которые видишь в глазах студента».

«Куда бы я ни пошел в этом великом городе, — пишет автор, — я всюду чувствовал благоговение перед искусством».

Имеющий многочисленных почитателей во многих странах мира, поэт не нашел официального признания в Канаде. Причиной тому — его резкая критика буржуазной идеологии, его борьба за мир, против войны. «Когда я вернулся в Канаду, — пишет Макдональд, — многие

мне говорили: «Макдональд, у тебя в глазах новый огонь!» «Этот огонь, — отвечал я, — зажгли люди, которые чтут поэтов, артистов и музыкантов... Безразличия в Канаде к моему искусству в течение более чем пятидесяти лет почти что полностью потушило его».

Всеобщее стремление жить в мире и дружбе со всеми народами земного шара, теми и знаниями, к искусству — вот что поразило больше всего поэта в Советском Союзе.

В конце своей книги Макдональд пишет: «Я подумал здесь с теми, кого я никогда не забуду, и московские пламя любви будет много и многие годы гореть в глубине моего сердца».

Лилиньо МИКАИЯ СВЕТ БУДУЩИХ ВРЕМЕН

Молодой мозамбикский поэт Лилиньо Микайя был делегатом Конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте. Этому событию и посвящено его стихотворение, которое мы сегодня публикуем.

Глаза слепит
Свет будущих времен,
А руки раздвигают
горизонты
Великой волей множества людей,
Людей из узких улиц,
Из лагул,
Из гаваней,
Из шахт,
С заводов...
Родившись рядом с ними,
На земле,
Я,
В их сердцах пером своим
начался.

ЛИТЕРАТУРА

ИСКУССТВО ЗА РУБЕЖОМ

На днях в культурной жизни швейцарской столицы произошло интересное событие: на сцене бернского городского театра зазвучала музыка Н. А. Римского-Норсикова. Здесь впервые поставлена опера «Сказка о царе Салтане». Постановка этой, как пишет еженедельник «Швейцар иллюстрирте цейтунг», «исключая звуками, легко понятной оперы» прошла с большим успехом. Журнал называет этот спектакль «блестящим».

НА СНИМКАХ: сцена из «Сказки о царе Салтане», поставленной в Берне. В центре — бас Готфрид Ферр в заглавной роли, слева — артистка Изабелла Штраус (Милитриса) и «царские сестры» — певицы Вальтрауд Деммер и Герти Виснер.

Выставка в Багдаде

ЮНОЗ художники Ирана организовали в Багдаде выставку картин современных иранских художников, входящих в объединение «Кар-Руваад» («Искусство»). Большинство представленных на выставке полотен создано в традициях реалистического искусства и посвящено жизни народа. Бейрутский журнал «Аль-Адаб» особо отмечает картину художника Махмуда Сабри «Поблизости в Алжире». Эта картина ярко выражает чувства многих арабов — их гнев и боль за трагическую судьбу алжирских патриотов.

Съезд польских писателей

16 декабря во Вроцлаве открылся девятый съезд Союза польских писателей. В работе съезда приняло участие более 70 делегатов, представлявших все отделения Союза писателей страны. В связи со съездом во Вроцлаве и других городах состоялся ряд авторских вечеров и встреч писателей с читателями.

Вьетнамский журнал о советском киноискусстве

«Вьетнамские зрители требуют разоблачать ревизионистов» — так называется статья, опубликованная в журнале «Дьен Ань» («Кинематография»). В ней приведены многочисленные высказывания вьетнамских зрителей, осуждающих пороки взглядов ревизионистов от искусства, которые долгое время кавелили на советские кинофильмы. «Объекты советских фильмов, — говорится в статье, — это глаз, смотрящий прямо в жизнь и передающий все ее черты и движение». Журнал публикует также отзывы зрителей, деятелей искусства, статьи критиков и искусствоведов, в которых содержится подробный анализ ряда советских фильмов.

С неизменным успехом, напоминает журнал, проходили в ДРВ недели советского фильма, и это лишний раз подтверждает, что попытки ревизионистов принизить советское киноискусство провалились с позором. «Вьетнамский зритель уже давно всей душой полюбил советские фильмы, их героев. Образы советского кино давно волнуют его...»

«Опасные» книги

В ОПУБЛИКОВАННОЙ на страницах «Берлинер цейтунг» статье «Книги — опасные для кого?» немецкий писатель Ганс Маасен рассказывает о том, что скрывается под широко рекламируемым в Западной Германии лозунгом о «свободе печати».

Сегодня в ФРГ, говорится в статье, запрещен целый ряд книг, изданных в ГДР. Среди них — произведения Шолохова и других советских писателей, литераторов Германской Демократической Республики — Вейскоффа, Вейнерта, Штрингматтера и Маасена.

«Как один из тех, — пишет Маасен, — кто страдал от этой меры, я хочу написать несколько строк возмущения. Достаточно бросить взгляд на список запрещенных, «опасных для государства» книг, составленный советником баварского министерства внутренних дел фон Лейкартом, чтобы убедиться: речь идет сплошь о произведениях, отмеченных за свои художественные достоинства и актуальность государственных премиями ГДР или Академией искусств ГДР. Каким образом они стали «опасными для государства»? — спрашиваю я себя.

Например, в моей подвергнутой запрещению книге Федеративная Республика вообще не упоминается, точно так же как ни слова не говорится в ней и о Ваварии... Из десяти запрещенных книг восемь посвящены минавшей мировой войне и клеимат ее зачинщиков — германский фашизм. Действие моей книги разворачивается также во время последней войны, но оно происходит не в Германии, а в Испании. Каким же образом эта книга может представлять «опасность» для Федеративной Республики Германии?..

Я писал свою книгу не для Лейкарта и его единомышленников, а для демократических и миролюбивых людей на востоке и западе нашего общего отечества, пишет в заключение Ганс Маасен.

История албанской литературы

ИНСТИТУТ истории и языкознания при Тиранском государственном университете подготовил к печати трехтомную «Историю албанской литературы». Обширный труд открывается главой, посвященной поэтическому богатству албанского народа, былинам и историческим песням, сказкам, пословицам. На основе новых материалов широко освещается древняя и средневековая албанская литература, а также албанская литература периода национального возрождения. В четвертой части «Истории литературы» подробно рассказывается о творчестве таких выдающихся писателей Албании, как Фан Нули, Мидьяни, Ф. Постоли, Х. Стермили. Последняя глава посвящена современной литературе. «История албанской литературы» — результат почти десятилетней работы ученых и писателей.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИН, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБИЧЕНКО, В. СОЛУХИНА.